ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 14 (3043) Суббота, 31 января 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Советский человек и машина

Бывало, у берегов Волги бурлаки, впрягшись подобно вьючным животным в ярмо, тащили тяжело нагруженные баржи... Ныне здесь советский человек во всеоружии новейшей техники воздвигает гигантские плотины, чтобы поставить себе на службу энергию могучей реки, прокладывает оросительные каналы, обваловывает берега новых, человеком созданных морей.

Вот экскаваторщик ведет мощную машину, заменяющую труд тысяч землекопов. Как красиво, поистине одухотворенно работает экскаватор, управляемый умелыми руками стахановца!

Советский рабочий заставляет машину отдавать всю ее мощность, все резервы производительности. Все учащается ритм работы машины. И вот уже кажется, что из техники выжато все до дна, что исчерпаны ее возможности, но — нет! — рабочий-новатор совершенствует приемы своего труда, самую машину, и она становится еще более мощной и производительной.

Человек с незапамятных времен стремился к совершенствованию орудий труда.

Вера в творческий гений человека, в светлую силу мысли еще тысячелетия назад породила народную мечту о машине — друге, освобождающем от тяжелого физического труда, о машине, безмерно увеличивающей власть человека над силами природы. Предвосхищая светлое будущее, народы в своих сказках и легендах создали образ героя — созидателя машин, воплощающий вековечную мечту о всемогущем, свободном труженике-творце, веселом, смелом умельце... Так, устами героя рун Калевалы кузнеца Илмаринена, выковавшего приносящую всеобщее изобилие волшебную мельницу «Сампо», терпящий угнетение и эксплуатацию народ-труженик заявляет железо не быть «диким» и «беспощадным»...

Маркс в «Капитале» приводит стихи древнегреческого поэта Антипатра. Поэт восторженно воспевает изобретение водяной мельницы, как начало золотого века, видя в машине освободительницу рабынь, моловших зерно на ручных мельницах:

Дайте отдых своим рукам, о работницы,
и спите безмятежно!
Напрасно будет петух возвещать вам о
наступлении утра!
Дэо поручила работу девушек нимфам,
И они легко теперь прыгают по колесам,
Так что сотрясаемые оси вертятся вместе
со своими спицами
И заставляют вращаться тяжелый
жернов.

Маркс, открывший законы общественного развития, показал, как машина в условиях капитализма из мощного средства освобождения труда превращается в орудие угнетения и порабощения. Погоня за максимальной прибылью, не знающая пределов корысть капиталиста-стяжателя обездолила человека труда. Она низвела не только труд рабочего, но и творчество ученого, конструктора машин, до положения рыночного товара, ценность которого определяется лишь его способностью доставлять наибольшую прибыль. Машина, о которой многие поколения человечества мечтали, как о друге и помощнике, в мире капиталистической эксплуатации превратилась в оружие угнетения, в силу, убивающую радость труда, а человека делающую рабом техники, придатком механизма.

Товарищ Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» указывает: **«Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей».**

Монополистический капитализм искажает ход технического развития, дает ему уродливый, человеконенавистнический, военный характер. Обеспечение монополистам наивысших прибылей путем грабительских войн и милитаризации народного хозяйства — такова одна из главных черт и требований основного экономического закона современного капитализма.

Машина, истребляющая, стирающая с лица земли своего создателя — человека,— таков чудовищный итог развития техники в мире империализма!

Совершенно противоположны пути развития техники в социалистическом обществе. Развитие техники подчинено у нас великим целям социалистического строительства, и с помощью машин советские люди добиваются всеобщего изобилия, счастья. Машина стала помощником человека!

«...Нигде так охотно не применяются машины,— говорит товарищ Сталин,— **как в СССР, ибо машины сберегают труд обществу и облегчают труд рабочих...»**

Вспомним, как восторженно советские крестьяне встречали первые появившиеся на полях тракторы, как украшали их цветами и слагали песни о стальных конях, распахивающих межи, оставшиеся от старого мира.

Далеко, смело шагнула с тех пор советская техника.

Взять от машины все, что она может дать для ускорения темпов коммунистического созидания! — эта идея овладела умами миллионов советских рабочих. Родилось всенародное стахановское движение, поддержанное и выпестованное Сталиным, увидевшим в этом неодолимом движении современности «будущность нашей индустрии», будущее культурно-технического подъема рабочего класса.

Прекрасен труд советского рабочего, творчески использующего могучую силу техники.

Величие такого труда можно у нас наблюдать везде. Вот одна из будничных картин труда кузнецов на Ново-Краматорском заводе тяжелого машиностроения имени И. В. Сталина. Кузнец Н. Деречин стоит у пульта управления прессом мощностью в 10 тысяч тонн.

Кузнец ощущает глыбу раскаленного металла, как скульптор материал, в котором будет воплощен его замысел: глыба металла превратится в деталь машины, которая будет работать на благо человека. Высокое искусство кузнеца заключается в том, что, ощущая силу пресса, как силу своей руки, он заставляет его работать так, как ему нужно, дает поковки в 5—6 раз быстрее, чем ожидали конструкторы этого пресса.

В наши дни труд стахановцев приобретает новые качественные черты. Передовые рабочие-новаторы уже не удовлетворяются пределами производительной мощности машины. Они совершенствуют, совместно с учеными и конструкторами переделывают ее.

Н. Деречин и его товарищи совершенствуют ковку деталей для новых гигантских турбин, а турбостроители, в свою очередь, решают сложные технические задачи, возникающие перед ними. И вот слесарь ленинградского завода И. Карташев, создав принципиально новую машину для балансировки роторов турбины, автоматизировал этот важный и сложный процесс. Пути к высшей технике новаторы прокладывают во всех отраслях промышленности.

Сообщения Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР и Статистического Управления РСФСР об итогах выполнения плана развития народного хозяйства Советского Союза и Российской Федерации за 1952 год убедительно показывают, как неуклонно растет экономическая мощь великой Советской державы. Все нарастающими темпами поднимается культурно-технический уровень трудящихся. Непрерывно повышается роль новаторов производства в развитии техники. **В 1952 году в промышленности, строительстве и на транспорте внедрено около 800 тысяч изобретений, усовершенствований и рационализаторских предложений.**

Вдуматься только в эти факты! Ведь они-то и характеризуют культурно-технический уровень передового рабочего пятой сталинской пятилетки.

Постепенно уничтожаются существенные различия между умственным и физическим трудом. Совершенствуя орудия своего труда, строители коммунизма познают высшее счастье — счастье творца.

«Что было бы, если бы не отдельные группы рабочих, а большинство рабочих подняло свой культурно-технический уровень до уровня инженерно-технического персонала? Наша промышленность была бы поднята на высоту, недосягаемую для промышленности других стран». К решению больших задач коммунистического строительства призывают эти слова товарища Сталина.

Необозримые перспективы открывает содружество ученых с новаторами производства — оно вступает ныне в новую, высшую фазу своего развития. Речь идет сейчас уже не только об эпизодической помощи ученых стахановцам, не только о решении частных производственных проблем. Перед нашей передовой технической наукой встала во весь рост задача широкого научного обобщения опыта новаторов, творческого развития подсказанных ими новых технических решений.

Максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники — таков основной экономический закон социализма. Именно этот закон определяет тот поворот в области взаимоотношений человека и машины, который произошел в нашей стране.

Уверенно движется в счастливое будущее советский человек — творец самых совершенных в мире машин. И на пройденном уже пути, на бесплодных когда-то землях возникают новые моря, цветущие сады, леса и поля, каналы, плотины, гигантские электростанции. И в непреодолимом этом движении все более могучим и прекрасным становится человек — строитель коммунизма.

ШКОЛА МАСТЕРСТВА

А. СОФРОНОВ

Велико значение литературно-художественных альманахов, выходящих в краях, областях и республиках нашей Родины. Хороший альманах обычно является собирателем новых литературных сил, школой воспитания молодых литераторов, руководителем литературного процесса в своей области.

Некоторые из писателей периферии прибедняются. Мы, мол, писатели маленькие— областники, а вот в Москве живут писатели большие.

В Москве действительно живет немалое число хороших писателей, которыми славится наша страна. Но мне хочется сказать товарищам: пожалуйста, не прибедняйтесь! У вас почти в каждой организации есть свои хорошие авторы, в областных центрах издаются хорошие романы, поэмы, стихи. Возьмите ростовскую, сибирскую, иркутскую писательские организации. Разве там мало издано хороших книг? Когда читатель получает книгу, он не знает, где живет автор произведения, где живет, например, К. Седых, где живет И. Василенко, читателя интересует прежде всего книга, а не местожительство писателя.

Содержание альманахов — яркое свидетельство того, что с каждым годом стираются грани между так называемой столичной и периферийной литературой. Не будет преувеличением сказать, что именно через местные альманахи Сибири, Дальнего Востока, Дона, Крыма, Кубани и Волги вошли в большую советскую литературу такие писатели, как С. Бабаевский, В. Ажаев, Г. Николаева, Е. Поповкин, М. Соколов, Г. Марков, В. Закруткин, А. Волошин и другие, отмеченные высоким званием лауреатов Сталинской премии.

Однако в работе литературно-художественных альманахов имеется ряд серьезных изъянов. Нередко, а в некоторых альманахах довольно часто публикуются произведения серые, невыразительные, стоящие на низком идейно-художественном уровне.

Между тем альманахи должны воспитывать писателей, помогать им совершенствовать художественную форму, направлять литераторов на решение главных вопросов, поставленных перед советской литературой.

Но именно в этом направлении у нас еще проявляются либерализм, благодушие, нежелание со всей ответственностью за будущее советской литературы работать с авторами. Нередко бывает так, что писатель, снискавший себе популярность первой своей вещью, над выпуском которой он и сам изрядно потрудился и потрудились его старшие товарищи — редакторы, к следующему произведению относится беззаботно, а ответственные люди, чьи имена значатся в числе членов редколлегий и редакторов, нередко не выдерживают напора зазнавшегося и переоценившего свои возможности молодого писателя.

Может быть, одним из наиболее характерных примеров в этом отношении является А. Волошин, автор отмеченного Сталинской премией произведения «Земля Кузнецкая». В его первом романе, при отдельных недостатках, были раскрыты характеры героев — шахтеров Кузбасса, в центре произведения стоял реальный жизненный конфликт — борьба между сторонниками передовых методов труда и людьми, цепляющимися за старое. В романе же «Дальние горы» на протяжении почти всей первой части бледно изображена действительность, отсутствуют жизненные противоречия. В характере героя романа, Павла Рогова, появилась разбросанность, неуверенность в своей деятельности.

Вместо того, чтобы показать всесторонне развитых людей, их богатые интересы, быт, духовный мир, А. Волошин, по существу, занят лишь изображением собраний, заседаний и разнообразных производственных процессов. Даже герой, у которого жена находится в родильном доме и вот-вот должен появиться ребенок, говорит в этот момент только о производстве, о социалистическом соревновании и т. д. Вместо проникновения в психологию раскрытия характеров людей, писатель идет наиболее легким путем, говоря шахтерским термином, работает «открытым способом», без глубокого проникновения в сущность и глубину явлений.

Такие ошибки свойственны не только А. Волошину.

Так, например, в 8-й и 9-й книгах альманаха «Енисей» опубликован роман Н. Устиновича «Маяк в степи». Читатель с самого начала устает от бесконечных производственно-технических проблем. Здесь все есть — и постройка канала, и строительство межколхозной гидроэлектростанции, и механизация животноводства, и борьба за поливное земледелие, но за всем этим, к сожалению, почти не видно людей. Роман статичен и художественно беспомощен.

Количество примеров публикации художественно слабых романов и повестей можно было бы увеличить. Вместо полнокровного изображения жизни и героев нашего времени, писатели нередко обращаются к очень мелким производственным вопросам, не выходят за рамки одного колхоза или цеха. Отсюда обеднение действительности, неправильное представление о событиях нашего времени, о духовном богатстве советских людей.

Жанр рассказа—наиболее дефицитный вид нашей прозы. Однако нельзя сказать, что этот жанр не представлен в альманахах. Можно назвать несколько удачных вещей, например, рассказы В. Фоменко «Серафима» и Г. Ручкина «Черный камень» в альманахе «Дон», рассказ В. Хрящева «Потомки бурлаков» в альманахе «Кострома», рассказ «Учителева роща» М. Казаковой в «Литературной Туле» и другие. Но, к сожалению, положительных примеров очень немного. Публикуемые рассказы в большинстве своем композиционно рыхлы, есть в них элементы назидательности, события слабо мотивированы. Примером такого изображения может служить рассказ А. Мищика «Комбайнеры», опубликованный в 10-й книге альманаха «Кубань». Суть рассказа не сложна: опытного комбайнера Криводуба опережает его сын. Отец не может с этим согласиться. Он вызывает сына на соревнование. В кабинете заместителя директора МТС по политчасти идет предуборочное совещание. Сын Криводуба обязуется убрать 400 гектаров. Криводуб-отец говорит: «— Пиши 420.

— 450,— будто плетью хлестнул его Василий.

— 450,— шепнул старик и мешком осел на стул».

Даже неопытному читателю ясно, что такое изображение социалистического соревнования очень недалеко от его опошления.

Вместо того, чтобы наблюдать и знать жизнь своего края или области, следовать лучшим образцам советского рассказа (а следовать есть чему, и убедительным доказательством этого служит трехтомник советских рассказов, выпущенный недавно Гослитиздатом), вместо этого во многих альманахах печатаются произведения, от которых веет дурным запахом литературщины. Иной раз читаешь и думаешь, а не являются ли их авторы участниками конкурса на рассказ с благополучным концом, настолько многие из них напоминают елочные, рождественские рассказы. Жанр рассказа — мобильный, острый жанр, и вызывает глубокое сожаление, что в альманахах, за редкими исключениями, почти нет настоящих рассказов, запоминающихся, ярких по своей художественной форме.

Довольно широко представлена в литературно-художественных альманахах поэзия. Мы встречаем десятки, сотни новых поэтических имен, находим стихи на разные темы внутренней жизни страны, на международные темы, темы защиты мира; много стихов посвящено великим стройкам коммунизма. И надо сказать, что некоторые поэтические произведения оставляют хорошее впечатление, как, например, поэма «Слава» молодого поэта Михаила Пилипенко, напечатанная в 19-м номере «Уральского современника». В этой поэме есть попытка показать людей, столкнуть их в конфликте. Есть в ней и немало ярких картин природы. Стихи М. Пилипенко ясны, легко читаются. Интересный цикл «Земляки» опубликовал в альманахе «Кострома» Н. Соколов, автор поэмы «Именем жизни». Появляются неплохие стихи и в других альманахах.

И все же, просматривая поэтические отделы альманахов, следует сказать, что, как правило, они ведутся неудовлетворительно. В альманахах печатается слишком большое количество стихов, но многие из них удручающе похожи одно на другое. Перелистывая страницы сибирского альманаха, а затем кубанского, почти не видишь никакой разницы в образах, описании природы, разве только в одном случае описывается степь, а в другом — лес.

Многие поэты стремятся к созданию больших поэтических форм, пишут поэмы. Но, к сожалению, эти поэмы художественно слабы, а часто остаются незавершенными. Редколлегии альманахов поступают неправильно, публикуя отрывки из незаконченных поэм. Слишком много отрывков на страницах альманахов и мало законченных, художественно зрелых поэтических произведений.

В поэзии, как и в прозе, в центре внимания должен стоять человек, его чувства, его думы, его мечты. Вместо этого, мы нередко читаем в альманахах стихи, в которых так же, как и в повестях и в очерках, описываются производственные процессы и заслоняется мир человеческой души. В таких случаях стихи получаются вялые, читать их трудно и скучно:

Тысячи рабочих в каждой смене,
Прославляя Сталинский Урал,
В доменных печах и на мартене
Для проката делают металл.
. . . .
Это время видит оператор,
Слит в одно с машиной человек.

Как будто бы и верная мысль поэта М. Гроссмана в его «Стихах о Магнитогорске» (альманах «Южный Урал», № 7) о том, что человек близко связан с машиной, но как это написано? Нет человека — одна машина. Нет отдельного героя, есть тысячи рабочих, и все они «делают металл».

Нередко у одного и того же поэта можно встретить стихи слабые в соседстве со стихами интересными, поэтичными. Крымский поэт В. Субботин в последнем номере альманаха «Крым» опубликовал небольшой цикл, где рядом с неплохим стихотворением «Лимонная траншея» напечатано стихотворение «Вино». В нем автор повествует о том, что:

Средь книг — немногих на моем столе
Стоит бутылка белого муската...

Поэт описывает, как этот мускат «придумал старый винодел», а затем следует вывод:

Так что ж, за новоселье, брат, опять!..
Я не знаток, мне пить случалось мало
И все ж, чтоб край наш солнечный
понять,
Мне этого бокала не хватало.

Явная двусмысленность, да еще соседствующая с признанием поэта о том, что книг очень **немного** на его столе.

Перелистывая страницы альманахов нередко удивляешься, откуда у молодых поэтов, находящихся в гуще напряженной кипучей жизни, появляется литературщина, удивительная невзыскательность к слову? Чем можно объяснить, например, что молодой поэт Эмиль Рецептор, печатающий свои стихи в «Ивановском альманахе», только пользуется литературными ассоциациями? Мальчик читает Гоголя и мечтает о саблях, пиках, латах и прочих аксессуарах древней романтики. Ведь это мы уже встречали и раньше. Много раз молодые поэты обращались к книгам. Книги надо знать, любить, помнить замечательные произведения русской литературы. Но самим в своем творчестве нужно больше обращаться к жизни, больше любить нашу жизнь, не бежать от нее, не ограничиваться стенами своей комнаты.

Необходимо редакционным коллегиям альманахов значительно повысить требовательность к поэтическим произведениям.

Одной из самых главных задач альманахов должна быть забота о нашей литературной молодежи. Но в писательских организациях и в альманахах очень мало настоящей заботы о молодых кадрах.

На конференции писателей Юга в октябре 1951 года мы очень резко критиковали поэму «Павел Костров» молодого поэта А. Рогачева. Потом я с удивлением прочитал эту поэму в альманахе «Дон». В ней было что-то исправлено, что-то изменено, но все-таки поэма не получилась. В ней нет поэзии, нет души, нет человека.

Бывает так, что хочется напечатать чьи-нибудь стихи, но качество их говорит о том, что печатать нельзя. И надо об этом прямо сказать молодому поэту. В этом и есть подлинная забота о писателе.

В альманахах слабо еще развернута борьба с халтурой, с серыми произведениями. В альманахе «Литературная Башкирия», например, печатался поэт Вл. Филов; его стихи просто стыдно читать. Он, например, обращается к сталевару с такими словами:

Поэту сталевар товарищ.
Как ты в труде, и я горю.
Стране в мартене сталь ты варишь,
А я в груди стихи варю.

И такая чушь печатается. Надо гнать железной метлой халтурщиков и приспособленцев из наших альманахов! А они зачастую занимают у нас какое-то место и, имея опыт и возраст, сбивают с пути нашу талантливую молодежь, не дают ей возможности правильно ориентироваться в своей работе. Пора с этим покончить. Пусть стихи будут реже публиковаться в альманахах, но пусть они будут лучше, и тогда не будут лежать затоваренными на книжных складах десятки и сотни экземпляров неразошедшихся альманахов!

Редколлегии альманахов неудовлетворительно занимаются вопросами драматургии, мало печатают пьес, или печатают пьесы, не заслуживающие опубликования. За 1951 — 1952 гг. во всех альманахах было напечатано 25 пьес, из них поставлено лишь десять, 14 пьес из напечатанных не были даже приняты к постановке. Из этого следует, что редколлегии альманахов мало заботятся о сценической судьбе произведений, которые они публикуют, не учитывают их художественных недостатков. Недопустимо мало внимания уделяется такому нужному жанру, как одноактные пьесы. За последние годы напечатано всего пять одноактных пьес в двух альманахах: в «Литературном Таджикистане» и в калининском альманахе «Край родной».

Почти не печатают альманахи и статей о драматургии, театральном искусстве в своих областях и краях.

Литературно-художественные альманахи должны помочь развитию драматургии. Отметая произведения слабые, надуманные, бесконфликтные, редколлегии обязаны способствовать созданию острых, конфликтных, сатирических и комедийных пьес.

Каждая писательская организация обязана хорошо знать жизнь своей области, ее богатства, ее планы на будущее, планы пятилетнего развития хозяйства. Но, как правило, раздел очерков в альманахах производит крайне унылое впечатление.

Читая, например, альманах «Кубань», вы не увидите многообразия жизни Краснодарского края. Редколлегия альманаха подчас откликается на некоторые актуальные вопросы жизни, но как она откликается? Возьмем статью инженера А. Кравчука «Колхозная индустрия», опубликованную в одном из номеров. Здесь есть и факты, но поданы они настолько сухо, что дочитать статью до конца просто трудно. А между тем каждый альманах мог бы быть зачинщиком, организатором боевого публицистического и очеркового материала.

В качестве такого положительного примера боевого вмешательства в жизнь своей области можно назвать ростовский альманах «Дон». Надо сказать, что «Дон» в течение целого ряда лет выглядел очень грустно. Новая редколлегия поставила перед собой задачу — повысить качество альманаха. С чего же начала редколлегия? Она прежде всего активизировала самый боевой жанр — очерк. Напечатав очерк Г. Ручкина «По займищу Нижнедонья», редакция поставила вопрос о состоянии и развитии рыбного хозяйства на Дону в связи со строительством канала Волго-Дон. Очерк заставил Министерство рыбной промышленности СССР пересмотреть некоторые стороны своей работы. «Дон» напечатал материал о широком разведении цитрусовых культур, опубликовал боевые очерки ростовских писателей В. Фоменко, В. Закруткина, М. Андриасова, Г. Шолохова-Синявского и других о строительстве канала Волго-Дон. Альманах «Дон» раньше залеживался на полках лавок Книготорга. Сейчас положение изменилось, читатели заинтересовались альманахом.

Нужно освободить альманахи от скучных, сухих, неинтересных очерков. Писательские организации должны привлекать внимание писателей к очерку, как к боевому жанру советской литературы.

До настоящего времени еще слабо поставлены критико-библиографические отделы в альманахах. Уровень многих статей и рецензий весьма невысок.

Однако есть и удачные критические статьи, как, например, интересная работа А. Абрамова о традициях Маяковского в советской поэзии, опубликованная в воронежском альманахе, или рецензия В. Вихрова в № 9 альманаха «Крым». Эта рецензия является хорошим примером того, как можно на материале одной небольшой книжки стихов интересно и глубоко ставить вопросы поэтического мастерства.

В каждом большом городе имеются литературные факультеты в местных вузах, интересуются литературой партийные и советские работники, они много читают и часто высказывают интересные суждения о книгах. Надо смелее привлекать этих товарищей к участию в альманахах. Надо и писателям выступать с критическими статьями.

Там, где альманахи стали центром творческой работы писательских организаций, там, где они получают помощь и руководство со стороны партийных и советских органов, где их работой интересуется местная печать, там они укрепляются и совершенствуются. Там же, где на альманахи не обращают внимания, где они выходят от случая к случаю, где материалы подбираются по принципу «что попало, то и давай», а нередко по приятельским соображениям, — там альманахи теряют читателей, лежат в магазинах Книготорга и не распространяются. Надо помнить, что каждая писательская организация отвечает за работу своего литературно-художественного альманаха.

Во главу угла надо поставить заботу о творческой деятельности каждого писателя в отдельности. Нужно со всей ответственностью, с чуткостью отвечать за то, что делает каждый член писательской организации. Бывают неудачи в жизни писателя, и надо уметь поддержать его, помогать не прощением ошибок, а такой критикой, чтобы стало ясно, откуда пошли эти ошибки и как их можно исправить.

Следует также отметить, что работе альманахов совершенно недостаточно уделяет внимания наша печать и, в частности, печать литературная. На страницах «Литературной газеты» очень редко появляются статьи, посвященные разбору произведений того или иного альманаха. А если учесть, что сейчас у нас около 70 таких изданий, то надо признать, что недооценка работы альманахов недопустима и, несомненно, тормозит рост литературы. Журналы «Знамя» и «Октябрь» за весь прошлый год не напечатали ни одной критической статьи, посвященной произведениям, опубликованным в местных литературно-художественных альманахах. Они даже не упомянули о самом наличии этих альманахов. «Новый мир», отводящий критике и библиографии значительно больше места, чем другие журналы, в прошлом году напечатал обстоятельный разбор альманаха «Литературный Воронеж». Но не слишком ли мало одной статьи для годового комплекта толстого журнала?

Очень мало уделяет внимания работе литературных альманахов и газета «Комсомольская правда». А уж кому, как не ей, заботиться о воспитании кадров молодых литераторов?

Надо сказать, что комиссия по работе с русскими писателями в республиках, краях и областях также еще по-настоящему не помогает редколлегиям альманахов, мало знает, мало изучает их работу.

Наши литературно-художественные альманахи должны стать такими центрами, в которых будут расти и совершенствоваться новые кадры советской литературы.

Сталинградская сталь

Виктор ВИЛЬЯМС,
австралийский поэт

Публикуемые нами стихи прогрессивного австралийского поэта Виктора Вильямса, посетившего недавно Советский Союз, написаны им в связи с исполняющимся 2-го февраля 1953 года десятилетием со дня завершения ликвидации немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда.

Враги на Москву от Ростова
Летели, как воронье.
Москва — это сердце России,
А Волга — горло ее.

— Держитесь! — вымолвил Сталин:
— Обрежем когти врагу!
Удар нанесет ему Волга
На вольном своем берегу.

Круты повороты Волги,
И смело течет она вдаль.
Незыблема Армии Красной
В боях закаленная сталь.

Кулацкие сорные травы
Мешали колосьям расти,
И просят крестьяне рабочих
В поля на подмогу притти.

На пашни полсотни тысяч
Прислал тракторов Сталинград.
И каждый приволжский трактор
Врагов сокрушал, как снаряд.

Круты повороты Волги,
И вольно течет она вдаль,
Работает, землю взрезая,
В полях Сталинградская сталь.

Идут, словно тучи, фашисты,
Грозят захватить Сталинград.
В снегах «фердинанды» и «тигры»
У стен Сталинграда горят.

Советские люди сказали:
— Мы будем здесь насмерть стоять.
Вовек не пробьется в Заволжье
Фашистская черная рать.

Круты повороты Волги,
И смело течет она вдаль.
Сильнее фашистских снарядов
Была Сталинградская сталь.

Века за веками на нивы
Из жарких заволжских степей,
Сжигая зеленые всходы,
Как змей, прилетал суховей.

Взнуздаем могучую Волгу,
Пусть служат нам волны реки.
И двинутся грозной стеною
Деревьев полки — на пески!

Круты повороты Волги,
И смело течет она вдаль,
Но ветра, и солнца, и Волги
Сильней Сталинградская сталь.

Перевел с английского
С. МАРШАК

Новое собрание сочинений Иоганнеса Бехера

В издательстве «Ауфбау» (Германская Демократическая Республика) вышло шеститомное собрание сочинений лауреата международной Сталинской премии Иоганнеса Р. Бехера. Предпосланная шеститомнику большая литературно-критическая статья писателя Пауля Рилла характеризует Бехера, как выдающегося немецкого патриота, борца за мир, крупнейшего мастера стиха.

Особое место в собрании занимает раздел, посвященный великой державе мира — Советскому Союзу и его гениальным вождям Ленину и Сталину, стихи и поэмы, отражающие искреннюю благодарность миллионов немцев Советской стране.

Собранные в шеститомнике произведения свидетельствуют о многогранности Бехера, как художника. Здесь и написанные «вольными ритмами» ранние стихи и баллады, и строгие по форме сонеты 30-х—40-х годов, и полные проникновенного лиризма народные песни, созданные уже в послевоенной Германии. Большой интерес представляют романы в стихах («Гриммельсгаузен», «Песня о семи мальчиках» и др.).

Новые стихи Бехера — «Счастье далей сияет вблизи» и в особенности «Немецкие сонеты 1952 года» — представляют собой взволнованный разговор поэта со своими соотечественниками о судьбах родины, о необходимости объединить все патриотические силы в борьбе против американо-английских колонизаторов, за мир и единство.

Творчество Бехера-прозаика представлено его романом «Прощание» (1941 г.). Читатель познакомится также с драматическими фрагментами Бехера. В том публицистики вошли статьи и речи поэта — члена Всемирного Совета Мира, президента «Культурбунда».

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЯ

Николай ТКАЧЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

1. Пал в бою солдат.

Пал в сорок четвертом, зимой, когда за его плечами лежал большой и нелегкий путь от Сталинграда до Криворожья, когда на лицевом счету снайпера числилось 449 убитых фашистов, а на гимнастерке сверкала уже Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Старший сержант Гончаров, сталинградец с завода «Красный Октябрь», встретил смерть, отбивая контратаку фашистской пехоты, огнем прикрывая друзей.

Здесь и похоронили солдата однополчане. Дали прощальный салют в честь павшего товарища — не в небо, а прямо по фашистам. Поставили маленький деревянный обелиск на могиле, винтовку погибшего вручили его другу, старшине Михаилу Сохину. И пошла сталинградская дивизия вперед, на запад.

А домой, в Сталинград, по полевой почте ушло письмо, написанное не рукой Гончарова, а ротным писарем, и за подписью командира. В письме сообщалось Наталье Андреевне Гончаровой, что муж ее пал смертью героя в боях за Советскую Родину, похоронен в селе Водяне, Днепропетровской области, у железнодорожной станции Девладово. Но подвиг его и память о нем, писал командир, никогда не забудут в полку.

Письмо пришло рано утром, когда дети спали. Увидев чужой почерк, Наталья Андреевна побледнела. Дочитав письмо, хотела кричать. Но взгляд упал на четверых ребят, и крик застыл в груди. Закусив губы, Наталья Андреевна вышла на крыльцо. И, подумав, поняла, что прежде всего она — мать, материнский долг победил отчаяние вдовы.

Она вернулась в комнату, достала фотографию мужа... Нахлынули далекие воспоминания. Вспомнилась горькая доля солдатских вдов первой мировой войны и безрадостная судьба их детей. Еще девочкой, в родном селе Ерзовке, слыхала она, как приходили извещения семьям погибших солдат: «Убит в Галиции», «Погребен в Карпатах», «Пропал без вести...» На этом обычно обрывалась летопись солдатской жизни. Никто и никогда больше не вспоминал о солдатах, кроме их родных и близких.

Подумала Наталья Андреевна и о другом. Двенадцать лет проработал на заводе Петр Алексеевич, начав с профессии возчика. Он мечтал стать обрубщиком и настойчиво, терпеливо шел к цели. И через пять лет на заводе знали Гончарова, как одного из лучших стахановцев-обрубщиков.

У него учились молодые рабочие, и все удивлялись — умел он подойти к человеку, объяснить и показать, как следует быстро найти глазом тончайшую волосинку, трещину на огромном слитке стали и искусно ее вырубить.

— Что же тут мудреного? — говаривал Гончаров. — Самое главное — глаз иметь правильный, в руках силу, тогда будешь обрубщиком!

Таким был коммунист Гончаров на заводе. Он хотел, чтобы его дети начали трудовую жизнь тоже на заводе, но уже закончив институт. «Потому как родились они при Советской власти!»

За Советскую власть сражался и умер солдат Петр Гончаров.

...Узнав о горе Натальи Андреевны, в квартире Гончаровых собрались друзья Петра Алексеевича. Посоветовавшись, решили, что Федю берет к себе в цех учеником-электриком мастер Ферапонтов, за Виктора будут хлопотать в парткоме завода о посылке в Суворовское училище, Володю устроят в Камышинское ремесленное училище, а Миша, меньшой, останется при матери до окончания школы. Ферапонтов, прощаясь, потрепал братьев за вихры:

— Ничего, ребятки. Кругом вас — большая рабочая семья. В такой семье не было и не будет сирот и пасынков. Поставим вас на ноги.

2. Уже десять лет, как в Сталинграде смолк звук последнего выстрела. Десять лет назад прошел тут со своим гвардейским полком и Петр Алексеевич Гончаров. С тех пор он навсегда покинул родную сталинградскую землю. Но если бы мог сегодня встать павший снайпер, взглянуть на родной город, который он защищал, пройти по местам былых сражений,— увидел бы он, что кровь его пролита недаром.

Великие плоды принес ратный труд земле Сталинграда.

Встает над Волгой город-красавец. Усилиями советских людей, заботами товарища Сталина возрожден Сталинград. Здесь, где сражались за Родину Петр Гончаров и его боевые друзья, вступил в строй первенец великих строек коммунизма — Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.

Сталинградцы хранят светлую память о погибших борцах. В музее Обороны Царицына—Сталинграда в любой день можно видеть людей с обоих земных полушарий. С благоговением осматривают они священные реликвии. Многие подолгу стоят у фотопортрета сталинградского рабочего, Героя Советского Союза Петра Алексеевича Гончарова.

В читальных залах городских библиотек есть книга «Труд солдата». Эту книгу о снайпере Гончарове написал его земляк и однополчанин, гвардии капитан Константин Новоспасский.

Когда заводской гудок зовет краснооктябрьцев на работу, а детвора идет в школу, становится многолюдной самая молодая магистраль района — улица Петра Гончарова. История ее возникновения такова: в первые же дни после гибели Петра Алексеевича группа старых кадровиков-рабочих пришла в партийный комитет.

— Нужно построить дом вдове Гончарова.

В тот же год справила Наталья Андреевна с сыновьями новоселье — построил ей завод домик. Небольшой, не слишком богатый, но дом — в городе, который еще лежал грудами развалин, дом, сделанный руками рабочих, живших тогда еще в блиндажах и землянках. И тогда же райисполком решил увековечить память героя, назвав эту возрожденную улицу именем Петра Гончарова.

Ныне каждый день почтальоны приносят письма по адресу: Сталинград, улица Петра Гончарова. На конвертах встречаются почтовые марки из Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики. Златка Тодорова из Софии и Марианна Хуммель из Тюрингии пишут жене погибшего русского воина, что они отдадут все свои силы, чтобы бороться за мир... Пишут потому, что знают: уничтожая фашистов, Петр Алексеевич громил не только своего врага, но и врага Марианны Хуммель, простой немецкой девушки, которая хочет вырасти такой же свободной и счастливой, какими растут братья Гончаровы.

Когда над мартеновским цехом «Красного Октября» встает оранжевое зарево, люди знают — сталевар выдал новую плавку. Потрудился ради этого и Федор Гончаров — сменный электрик цеха, старший сын погибшего героя.

— В отца пошел! — говорят в цехе о Федоре.

Через год держит выпускной экзамен студент Сталинградского механического института Виктор Гончаров. Мечта будущего инженера — попасть на свой потомственный «Красный Октябрь».

Охраняет мирный труд страны рядовой Гончаров Владимир. Он поработал уже и на родном заводе. Хорошо поработал — добрую память оставил по себе слесарь-инструментальщик. И служит солдат хорошо. Недавно он написал матери: «Когда стрелял в первый раз, вспомнил отца и подумал — стыдно будет, если промажу. Но все пули попали в мишени отлично. Офицер сказал — молодец, Гончаров. Хочу пойти по отцовской дорожке...»

— Что же, в добрый час, сынок, — ответила мать. — Отец наш правильной дорогой шел всю свою жизнь.

Читая володины письма, Миша, младший из братьев, немного завидует ему. Но прежде всего надо кончить школу. Сейчас Миша в девятом классе, помогает иногда по алгебре Федору, который оканчивает школу мастеров.

— У горячего металла человек и сам становится душой горячее, — любил говорить Петр Гончаров.

Горячую душу металлурга унаследовали его сыновья.

3. Прошлой осенью мне довелось с Федором Гончаровым побывать на Украине. Сын поехал на могилу отца.

Большое село Водяне раскинулось на равнине. Напротив колхозного клуба — скромный памятник, поставленный на могиле Петра Алексеевича Гончарова. Красная оградка, желтым, как золото, песком посыпанный могильный холмик, неяркая зелень осенних цветов окаймляет могилу. Здесь остановился Федор, склонив обнаженную голову...

Жители украинского села окружили трогательной заботой могилу погибшего воина. Сюда, на могилу Петра Алексеевича, вслед за нами пришла колхозница Александра Ивановна Шевченко из колхоза имени Маленкова. Она протянула Федору Гончарову венок, который мастерила всю ночь, не смыкая глаз, и сказала:

— Может, кто и моему сынку такой же веночек плел. Убитый он у меня, еще под Воронежем!

Надпись на ленте к венку сталинградскому гвардейцу сделал бывший солдат, участник боев на Дону, Виталий Головань. В этих заботах далеких и незнакомых Петру Алексеевичу людей была великая и вечная любовь народа к своим героям.

Постоял Федор перед могилой, помолчал и, бережно взяв горсть земли с могилы отца, осторожно завернул ее в платок. Он повезет ее в Сталинград. Пусть там, на площади Павших борцов, на братской могиле гвардейцев, будет и щепотка земли Криворожья, в которой покоится солдат-сталинградец!

...Из Водяне мы разъехались в разные стороны — Федя Гончаров домой, в Сталинград, а я в полк, под боевым знаменем которого шел гвардии старший сержант Петр Гончаров от ворот своего завода до колхоза имени Ильича.

4. Далеко, у самой границы несет ныне службу славный гвардейский Краснознаменный полк. Давно ушли в долгосрочный отпуск солдаты, сражавшиеся вместе с Петром Гончаровым на Волге, у Днепра, в Криворожье. Уходят бойцы, но боевая слава навечно остается в полку. Так случилось и с памятью о Петре Алексеевиче Гончарове.

Едва переступив порог штаба части, на стене я увидел портрет Петра Гончарова. Листая подшивку солдатской газеты, то и дело встречался с именем снайпера Гончарова. Даже спустя девять лет после смерти гвардейца, подразделение, выходя на стрельбище, не может обойтись без Петра Гончарова, лучшего снайпера части: к комсомольцам обращен сегодня боевой листок с призывом — стрелять так, как стрелял Гончаров!

Заместитель командира полка по политчасти попросил меня рассказать солдатам, сержантам и офицерам о семье Петра Алексеевича. Всех их интересует судьба детей, о которых знают из книги «Труд солдата» и из бесед ветеранов. Узнав, что один из сыновей Гончарова — Владимир служит в Советской Армии, комсомольцы части обратились к командиру:

— Товарищ подполковник, мы хотим написать письмо Гончарову Владимиру — пригласить в нашу часть.

— Я сам с удовольствием подпишу такое письмо, — ответил подполковник.

Здесь же была составлена и подписана эта солдатская просьба. Она ушла в часть, где служит рядовой Владимир Гончаров.

***

Недавно мне довелось повидать бывшего командарма 64-й Михаила Степановича Шумилова. Генерал внимательно выслушал рассказ о поездке сына Гончарова на могилу отца, о том, как сложилась жизнь всех детей сталинградского солдата, которого командарм знал лично и высоко ценил за чистоту души, за мужество в суровые дни испытаний.

— Давно хотелось мне написать письмо семье Петра Алексеевича,— сказал в конце нашей беседы генерал. — Каюсь, все мешкал, а вот теперь прошу вас захватить его с собой и передать лично.

Вот это письмо (с разрешения автора привожу его полностью):

«Дорогая Наталья Андреевна!

Шлю Вам и Вашим детям сердечный привет и пожелание счастья в жизни, а сыновьям успеха в ученье и работе на благо нашей любимой Родины. Часто думаю о Вашей семье. Мне помнится Ваш муж и отец Петр Алексеевич — этот простой, честный, мужественный сталинградец. Радостно сознавать, что он был воином в моих частях. До сих пор части, где служил Ваш муж, свято чтут память и продолжают традиции Героя Советского Союза Гончарова.

Пусть Ваши дети во всем и всегда идут дорогой своего отца, хорошего солдата, верного сына товарища Сталина.

Горячо одобряю желание Вашей семьи и сына-солдата Владимира Гончарова перевестись в часть, где служил его отец. Готов поддержать перед командованием воинской части его просьбу. Верю, что сын будет достойным преемником бессмертных традиций Сталинграда, его воинов и своего отца-героя.

С сердечным приветом
Герой Советского Союза, гвардии генерал
Шумилов».

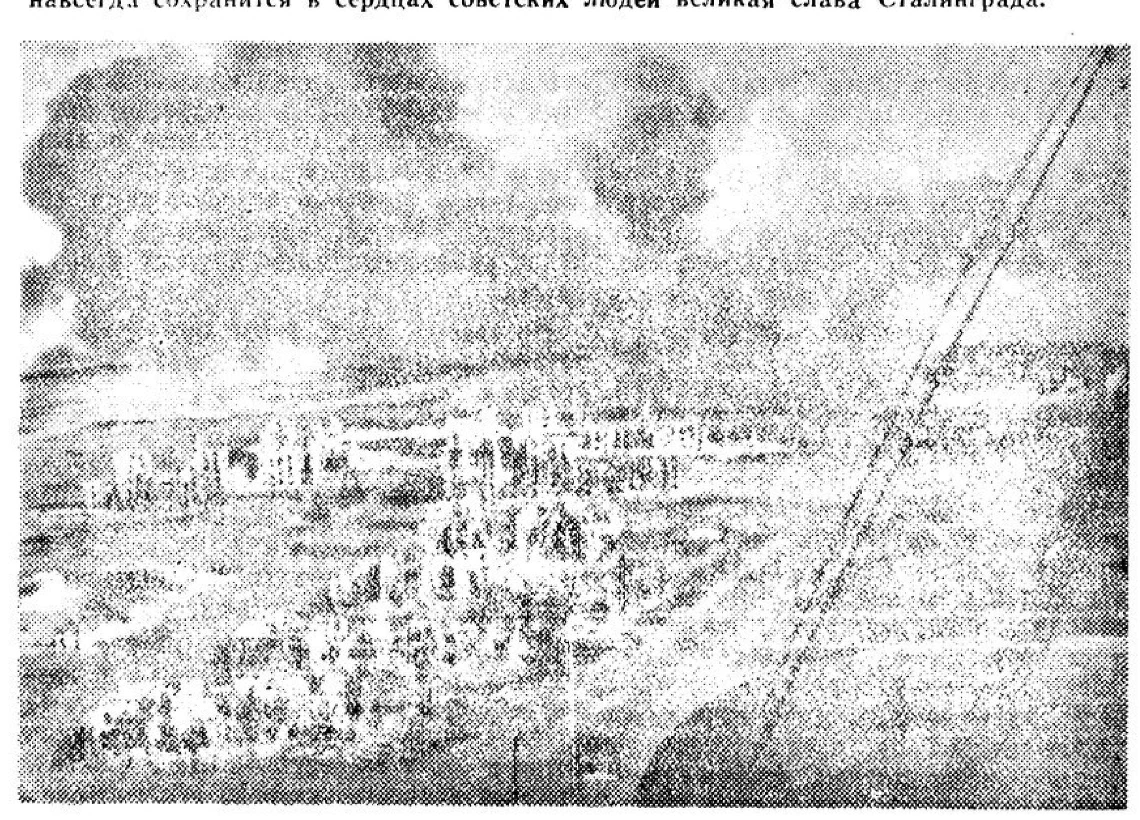
...Прежде чем кончить этот рассказ о своем земляке, я снова перебираю в памяти всю поездку по следам героя, все встречи и беседы этих дней. И кажется,— не один я думаю сейчас о Петре Алексеевиче Гончарове. Думают о нем сталевары «Красного Октября» у мартенов, выдавая новую скоростную плавку для великих строек коммунизма; думают о нем на далекой пограничной полосе молодые солдаты; думают колхозники колхоза имени Ильича и пионеры дружины его имени в украинском селе Водяне...

Это и есть бессмертие героя.

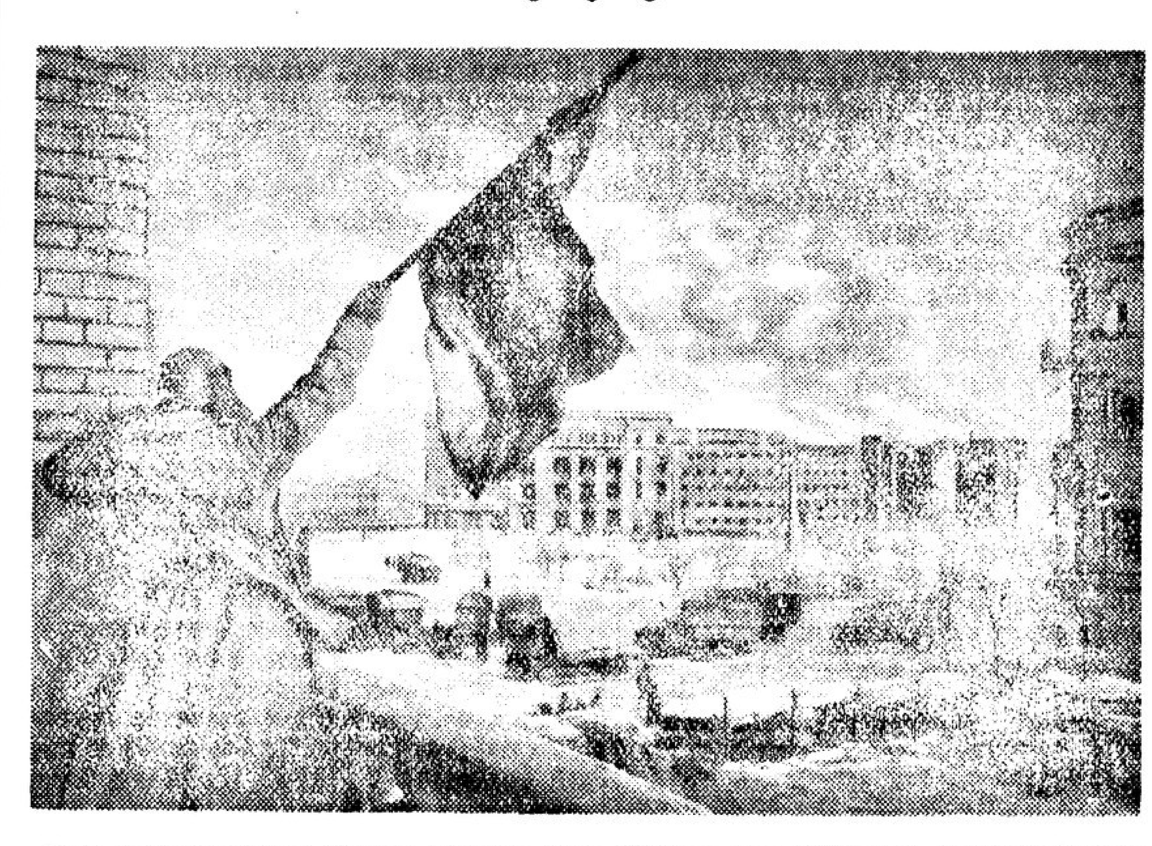
СТАЛИНГРАД

2 ФЕВРАЛЯ — ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ПОБЕДЫ

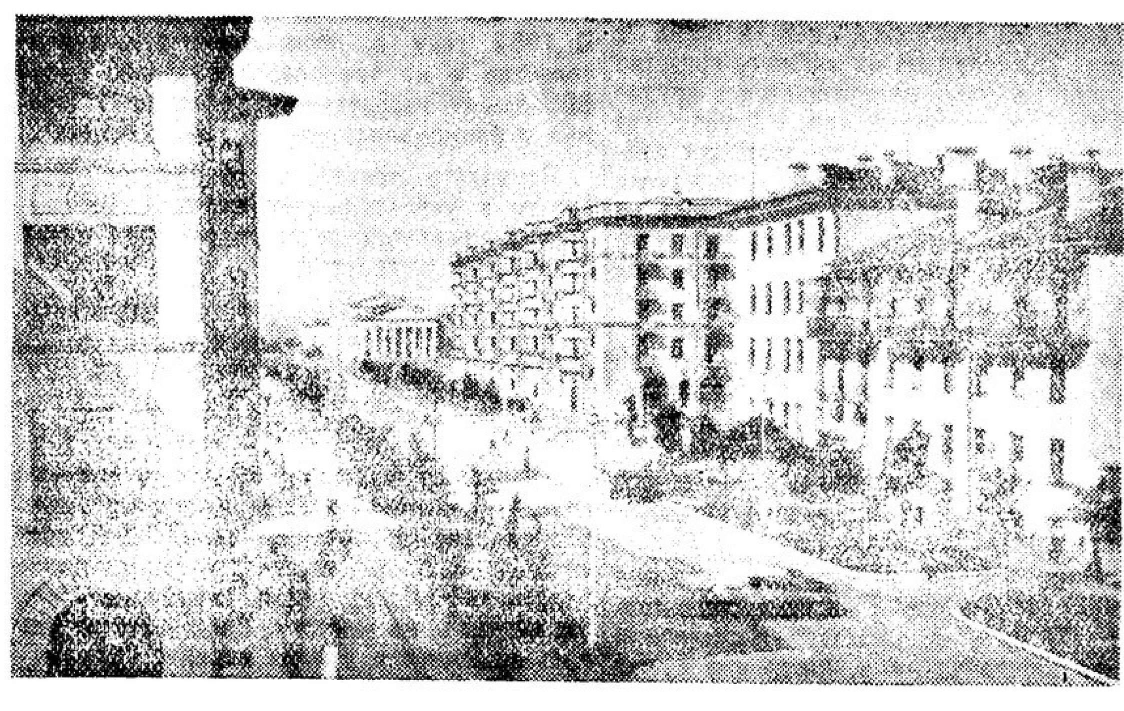
Десять лет назад Советская Армия полностью завершила ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Навсегда вошла в историю, навсегда сохранится в сердцах советских людей великая слава Сталинграда.

Так выглядел центр города в феврале 1943 года.

Враг капитулировал. Бойцы подняли флаг Победы над площадью Павших борцов.

Возрожденный Сталинград. Улицей Мира назвали горожане свою лучшую улицу.

Фото Г. ЗЕЛЬМА

К. СИМОНОВ

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

1. Оценивая выдающееся место Владимира Маяковского в советской литературе, товарищ Сталин назвал его «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Исследователям творчества Маяковского следует не только приводить в своих работах оценку, данную товарищем Сталиным, но следует — и это главное—руководствоваться ею при построении своих работ, при определении того, что в них должно быть главным и что второстепенным.

Пример Маяковского — это самый поучительный в истории литературы пример служения поэта интересам строящего социализм народа. Исследовать его творческий путь — значит, на основе анализа того, что написано Маяковским, конкретно раскрыть содержание слов «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» и показать, результатом каких главнейших черт в творчестве Маяковского была такая оценка.

Каковы эти черты?

Прежде всего непреклонная вера в победу социализма. Немало трудных периодов было у нашей страны с 1917 по 1930 год. Немало людей в литературе терялось, робело перед трудностями. Но мы можем прочесть все одиннадцать томов послереволюционного творчества Маяковского и не обнаружить там ни одной строки, где была хотя бы тень колебания. В этой своей вере в победу Маяковский был целен и тверд, как алмаз.

С этой верой сочетается неотделимое от нее качество Маяковского — советский патриотизм — гордый, цельный, абсолютно нетерпимый к каким бы то ни было проявлениям низкопоклонства перед буржуазным миром. С гневом обрушивался он в своих выступлениях на литературные группки, проповедовавшие низкопоклонство перед буржуазным Западом, и говорил о враждебной классовой сути этих проповедей.

Неудивительно, что «Стихи о советском паспорте» стали для нашего народа поэтическим символом советского патриотизма— его можно рассматривать не просто как одно стихотворение, а как сгущенную формулу того, что Маяковский на протяжении многих лет с огромной страстью говорил и писал.

Советский патриотизм Маяковского был неизменно связан с беспощадной, действенной борьбой против всех, кто пытался вредить нашему Отечеству, кто пытался нанести в него грязи и сора. Достаточно перечитать произведения Маяковского — том за томом, чтобы увидеть, как он, год за годом, засучив рукава, не чураясь никакой работы, делал то, чего требует от нас партия сегодня: утверждал все новое, передовое и беспощадно огнем сатиры выжигал из жизни все отрицательное, прогнившее, окаменевшее, все то, что тормозит движение вперед.

Еще в 1906—1907 годах Горький с огромной силой трибуна-публициста обличал капиталистическую Америку, «город Желтого Дьявола», где человек отдан под власть доллара. Маяковский той же ненавистью ненавидел империализм и бичевал его, причем беспощаднее всего бичевал империализм американский. Так два великих писателя, в разное время, с большой политической прозорливостью предвидели, какую гнусную роль сыграет в истории американский империализм. Маяковский говорил, что «Соединенные Штаты... станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела», и, видя в американском капитализме агрессивного врага первого в мире социалистического государства, писал в 1926 году о своих американских очерках: «Цель моих очерков — заставить, в предчувствии далекой борьбы, изучать слабые и сильные стороны Америки».

Неотъемлемой чертой творчества Маяковского и взглядов его на долг поэта страны социализма были глубочайшая любовь к партии и преданность ей. «Я от партии не отделяю себя и считаю себя обязанным выполнять все постановления большевистской партии, хотя не ношу партийного билета», — сказал Маяковский на вечере, посвященном 20-летию его деятельности. «Говорят, что вот Маяковский, видите ли, поэт, так пусть он сидит на своей поэтической лавочке, — сказал он в 1927 году. — Мне наплевать на то, что я поэт. Я не поэт, а прежде всего поставивший свое перо в услужение, заметьте, в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее — советскому правительству и партии».

Маяковский был поэтом, обращавшимся к народу, писавшим для народа, и то, что он стал народным поэтом, — это высшая награда, к которой он стремился.

«...Только пролетарско-крестьянские массы, — говорил он в 1930 году, — те, что строят сейчас новую жизнь нашу, те, кто строит социализм и хочет распространить его на весь мир, только они должны стать действительными чтецами, и поэтом этих людей должен быть я».

Хозяйская забота о своем, советском, в соединении с непримиримой враждебностью к чужому, антисоветскому, характерны для Маяковского не только поэта, но и критика.

«Прежде всего,— говорил он на диспуте о пьесе «Баня», — надо говорить о том, насколько та или другая вещь в наше время необходима. Если это наша вещь, то надо говорить: «Какое горе, что она плоха». Если она вредна, то надо радоваться тому, что она нехороша». Никакие побрякушки формы не могли спасти от критики Маяковского те произведения, которые он считал враждебными по их сути.

Наконец, надо отметить, что Маяковскому было свойственно глубоко соответствующее всему духу советского общества стремление не успокаиваться на достигнутом, умение смотреть вперед.

«Я хочу, чтоб я шаг за шагом вперед шел, — говорил он в 1929 году. — Если бы мне сказали, что Маяковский очень хорошо пишет: в том году я написал замечательную вещь и в этом году такую же, — это было бы, по-моему, очень плохо».

Таковы, если их охарактеризовать самым кратким образом, некоторые основные черты творческого облика Маяковского, закрепленные в его произведениях, а также сформулированные им самим в литературно-критических выступлениях последних лет жизни. И именно эти черты необходимо держать в центре внимания, исследуя творчество Маяковского.

«Я — поэт. Этим и интересен», — говорил Маяковский, начиная этими словами свою краткую автобиографию.

Маяковский — лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи. Этим он и интересен и народу и, стало быть, исследователям его творчества.

«Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также — только, если это отстоялось словом», — писал Маяковский, как бы заранее предлагая будущим исследователям стать на единственно верную точку зрения — преобладающего интереса к тому, что «отстоялось словом», то есть к поэтическому делу Маяковского. Соблюдение этого принципа — необходимая предпосылка для верной направленности и верного построения исследований о Маяковском.

Уместно привести в подтверждение правильности такой установки следующее место из работы товарища Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Вот что писал товарищ Сталин: «Не ясно ли, что если Слуцкий в самом деле хотел проверить непримиримость Ленина и большевиков в их отношении к центризму, он должен был сделать **основой** своей статьи не отдельные документы и два — три личных письма, а проверку большевиков по их **делам**, по их **истории**, по их **действиям?**»

Это положение товарища Сталина, касающееся истории большевизма, можно и должно применить, определяя принципы исследования творчества лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи.

Его дела — вот основа для исследования большого и сложного творческого пути Маяковского, который надо показывать на всех этапах одинаково правдиво, в соответствии с тем, как все исторически происходило, без попыток ухудшения или улучшения.

В 1938 году в постановлении ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» даны исчерпывающие указания о том, как должно излагать историю партии, которыми мы, изучая историю литературы, обязаны руководствоваться.

«Антиисторическая фальсификация действительной истории,— сказано там,— антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров».

Изучать творческий путь Маяковского, руководствуясь этим положением,—значит прежде всего отказаться от бытующей в ряде статей и исследований неверной концепции, сводящейся примерно к такому ходу мыслей: Маяковский — лучший, талантливейший поэт советской эпохи, следовательно, **каждая** строчка, написанная Маяковским, и **каждое** слово, сказанное им, должны, даже отдельно взятые, полностью соответствовать этой оценке **всей** его деятельности, а то, что в произведениях Маяковского или его теоретических высказываниях так или иначе, на взгляд исследователей, не согласуется с этой оценкой,— нужно либо прокомментировать так, чтобы оно начало согласоваться, либо нужно замолчать.

Между тем оценка «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» должна служить исследователям компасом, который позволяет, исследуя творчество Маяковского, идти по главному, решающему направлению. Однако есть горе-исследователи, чуждые диалектике, чуждые представлению о подлинном росте и развитии Маяковского и о том, какую решающую роль сыграло в его развитии влияние партии. Они замалчивают или «улучшают» те или иные произведения или высказывания Маяковского (особенно раннего периода!), которые кажутся им пугающе-противоречивыми и потому не влезают в их схематическую «концепцию».

Но всякий добросовестный исследователь должен неизменно оставаться на почве фактов и в тех случаях, когда некоторые из них будут свидетельствовать о трудностях роста поэта или о его теоретических заблуждениях. Такой честный исторический подход к делу нисколько не умалит величайшего значения Маяковского. И наоборот: попытки представить творческий путь Маяковского гладким, без сучка, без задоринки, начиная с попыток преувеличить объективное значение для народа ранних дореволюционных произведений Маяковского, и объявить их явлениями социалистического реализма, поставив знак равенства между ними и «Матерью» Горького, означают попытки смазать решающее значение для всего творчества Маяковского Великой Октябрьской революции и влияния на него партии в послереволюционные годы его творчества.

Подобные попытки подчас начинают создавать ощущение, что Маяковский не очень-то двигался, что все, сделанное им после революции, было так или иначе заложено и предопределено уже в первых его произведениях, что дистанция от трагедии «Владимир Маяковский» и поэмы «Человек» до поэмы «Владимир Ильич Ленин», дескать, не столь уж велика.

А между тем она велика — и не только между трагедией «Владимир Маяковский» и поэмой о Ленине, но и между поэмой «Про это» и написанной в следующем же после нее году поэмой «Владимир Ильич Ленин». И приходится только поражаться, какими семимильными шагами проходил Маяковский эту дистанцию, с какой страстью он впитывал и претворял в своих произведениях то, что давала ему партия.

В свое время Маяковский, критикуя кинофильм «Поэт и царь», говорил о несоответствии этого фильма задаче показать «образ наиболее замечательнейшего за всё время существования России поэта, и поэта с замечательной биографией, т. е. человека очень сложного». Маяковский говорил это о Пушкине, но мы вправе предъявить это требование к исследователям Маяковского. Ясность в исследовании родится не в результате системы пропусков, умолчаний и обходов, натяжек и недоговоренностей, а в результате изучения всей сложной суммы фактов творчества и биографии и освещения всего этого сложного пути с ясных, конкретно-исторических позиций.

На творческом пути Маяковского можно наметить три основных, разумеется, не изолированных, а тесно связанных друг с другом этапа.

Первый этап — дореволюционный; второй — годы гражданской войны и первые годы после нее, до начала работы над поэмой «Владимир Ильич Ленин»; и третий— начиная с этой поэмы и включая все последующее творчество Маяковского.

К Октябрьской революции Маяковский пришел 24-летним молодым человеком. Несмотря на всю гениальность Маяковского, следует говорить о первом этапе его поэтической работы, как об этапе поэтической молодости. Анализируя этот этап, следует прежде всего ясно показать положительное влияние его участия юношей в партийной работе, которое впоследствии сыграло важную роль во всей дальнейшей жизни Маяковского.

Далее следует без умолчаний разобрать вопрос о футуризме. Несмотря на всю поэтическую бездарность и мелкотравчатость таких «деятелей» футуризма, как Бурлюк и Крученых, или патологическую заумность Хлебникова, нет ни нужды, ни оснований сбрасывать со счетов то отрицательное идейное влияние, которое оказывала на Маяковского школа разлагавшегося российского декаданса через посредство своей футуристической разновидности. При этом надо прямо показать не только ее влияние на Маяковского, но и имевшее место в действительности увлечение самого Маяковского некоторыми крикливыми формалистическими лозунгами футуризма, в бо́льшей степени сказавшееся в его юношеских теоретических высказываниях и в меньшей — в стихах, но сказавшееся и в них.

Наконец, — и это самое главное,— следует показать идейный, творческий рост Маяковского под влиянием нарастания революционной ситуации в России, под влиянием Горького и тех общественных сил, которые в русской предреволюционной литературе были связаны с личностью и с деятельностью Горького.

В основу статьи положено заключительное слово на совещании в Союзе советских писателей СССР.

В ДОЛГУ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЯМИ

На улице имени Артема в городе Сталино помещается Донецкое отделение Союза советских писателей Украины. Неподалеку расположены один из крупнейших металлургических заводов страны, известные предприятия угольной промышленности шахты № 1/2 «Смолянка», № 8 «Ветка», «Центрально-заводская» и другие. В городе и его окрестностях живут шахтеры, металлурги, машиностроители... В Донбассе возникло в свое время движение, связанное с именем знаменитого горловского забойщика Никиты Изотова, в забое донецкой шахты вспыхнула искра стахановского движения, здесь живут и трудятся замечательные новаторы послевоенных пятилеток.

Как же писатели Донбасса отражают в своем творчестве кипучую жизнь края?

Широкому читателю известны стихи популярного шахтерского поэта Павла Беспощадного; роман В. Попова «Сталь и шлак» удостоен Сталинской премии; много изданий выдержала повесть старейшего донецкого прозаика П. Гонимова «Шахтарчук». В Сталинском областном издательстве за последние пять лет вышло около ста книг донецких прозаиков и поэтов — П. Байдебуры, В. Труханова, М. Фролова, Г. Бойко, П. Шадура и других. С 1946 года издается альманах «Литературный Донбасс».

И все же, несмотря на некоторые успехи, донецкие литераторы в большом долгу перед читателями. Несколько лет тому назад знатные люди Донбасса в своем письме на имя писателей Украины отмечали, что послевоенный героический труд донецких рабочих еще очень слабо отражен писателями. Этот справедливый упрек не потерял своего значения и по сей день: за послевоенные годы здесь не создано ни одного полноценного произведения о шахтерах.

В свое время в альманахе «Литературный Донбасс» была опубликована повесть К. Суханцева «Шахта Гремучая». Молодой ворошиловградский писатель поставил перед собой задачу показать, как в процессе производства вырастают люди, укрепляется коллектив шахты. Автор с любовью нарисовал образ шахтера-новатора Никиты Крамаренко, правдиво передал переживания и внутреннюю борьбу горняка Рудкова, утратившего первенство на производстве.

Вместе с тем (и на это справедливо указывалось в печати) повесть К. Суханцева страдает серьезными недостатками. Главный из них тот, что в ущерб глубокому раскрытию характеров автор чрезмерно увлекся описанием собраний и заседаний, ограничил место действия повести шахтой, не сумел индивидуализировать язык героев, а кое-где и просто пренебрег элементарными требованиями русского языка.

Повесть опубликована в сыром, недоработанном виде, однако лучшие ее главы свидетельствуют о способностях автора. Областное издательство напрасно не захотело продолжить с молодым писателем работу и помочь ему улучшить свое произведение о шахтерах.

Похвально, что донецкие поэты посвятили ряд стихотворений великим стройкам коммунизма. Но написаны эти стихи зачастую бесстрастно, информационно. Целые строфы стихов различных авторов кажутся написанными одной и той же рукою. Вот как говорится о стройках в стихотворении «Поезд» Л. Полянина:

Колеса беспокойные стучат...
Шлют металлурги
груз тысячетонный
в Куйбышев,
Каховку,
Сталинград,
в шумные
просторы Волго-Дона...

Почти то же самое повторяет В. Соколов (стихотворение «Майстер»):

Простяглися колії сталеві
На Дніпро,
на Волгу,
на Аму.

У В. Мухина читаем (стихотворение «В родном селе»):

...Что же делается там,
На площадках гидростроек
Волги, Дона и Аму,
В Кара-Кумах, на Узбое,
Под Каховкой и в Крыму?
Но представить это, право,
Не под силу для ума!

Представить себе картину великих строек по таким стихам действительно «не под силу для ума». Но почему бы донецким литераторам не воплотить в полновесные строки живые образы своих земляков, которые, не жалея сил и труда, выполняют заказы строек коммунизма? Разве эти люди не прямые, непосредственные участники великих свершений?

Появление несовершенных произведений донецких литераторов объясняется тем, что писатели недостаточно изучают жизнь, слабо овладевают литературным мастерством. Творческие секции Донецкой областной писательской организации работают беспланово, собираются от случая к случаю. Более полугода руководитель секции прозы писатель В. Попов находился в отъезде, и до самого последнего времени секция бездействовала.

Правление Донецкого отделения ССП равнодушно относится к общественной деятельности писателей, не способствует развитию смелой, нелицеприятной критики. Стоило газете «Социалистический Донбасс» сделать критическое замечание в адрес члена правления отделения ССП А. Клочча, как он немедленно написал заявление в партийную организацию, потребовав «рассмотреть этот вопрос». Писатели-коммунисты справедливо расценили заявление А. Клочча, как проявление боязни критики и попытку отвести ее от себя.

Создавшаяся в писательской организации атмосфера благодушия, замалчивания ошибок, низкая требовательность к себе приводят к тому, что некоторые писатели зазнаются, переоценивают свои силы. На секции поэзии и в рецензиях на рукопись поэмы Е. Кузнецова «Степная песня» были высказаны существенные критические замечания. Поэт, при молчаливом согласии издательства, пренебрег ими, и в свет вышло сырое, недоработанное произведение.

Не показывает примера правильного отношения к критике и редакционная коллегия альманаха «Литературный Донбасс». Газета «Социалистический Донбасс» в редакционной заметке критиковала редколлегию альманаха за то, что она пренебрегает интересами читателя. В 1952 году должны были выйти четыре книги альманаха, а вышли только две. Очередная, восемнадцатая, книга «Литературного Донбасса» могла выйти в свет еще в ноябре прошлого года, однако выход ее задержался из-за отсутствия передовой статьи.

Еще два года тому назад, на пленуме ССП Украины, проведенном в г. Сталино, донецкие писатели высказали свои серьезные претензии к правлению Союза советских писателей Украины. Однако со времени пленума мало что изменилось. Помощь донецкой организации писателей со стороны ССП Украины недостаточна. Не ощущает этой помощи и редколлегия альманаха «Литературный Донбасс».

Поднять уровень работы писательской организации Донбасса, оказать ей реальную помощь — от этого в значительной степени зависит выполнение донецкими писателями тех огромных задач, которые поставил перед всей советской литературой XIX партийный съезд.

И. КАРАБУТЕНКО,
А. ИОНОВ

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИТОГИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ГОДА

Подведению итогов работы, проделанной за 1952 год в области драматургии, было посвящено заседание комиссии по драматургии Союза советских писателей совместно с бюро секции московских драматургов и активом.

В своем докладе заместитель председателя комиссии **В. Пименов** подчеркнул, что хотя количество пьес, разрешенных в прошлом году Комитетом по делам искусств, составляет довольно внушительную цифру — 128, — однако произведений высокого идейного и художественного уровня среди них мало. Большинство пьес — произведения серые, бескрылые, короткого дыхания. В. Пименов подробно остановился на анализе некоторых пьес, посвященных советской современности, отметив как удачные произведения «Новые времена» Г. Мдивани, «Девицы-красавицы» А. Симукова, «Третью молодость» братьев Тур; интересна попытка Н. Вирты в области сатирической комедии, однако в «Гибели Помпеева», по мнению докладчика, есть серьезные недостатки, главным образом в обрисовке характеров положительных героев.

В качестве примера пьес безжизненных, фальшивых, где подлинный конфликт заменен пустой декларацией, докладчик назвал пьесы К. Финна «Личная жизнь», Д. Слепян «Ночной звонок», З. Гердта и В. Брагина «Близкие родственники».

Сейчас, когда всенародное движение борцов за мир приобретает все большие и большие масштабы, драматурги должны уделить особое внимание международной теме. Минувший год ознаменовался появлением яркого политического памфлета А. Якобсона «Шакалы», интересны в идейном и художественном отношении пьесы А. Софронова «Иначе жить нельзя», А. Арбузова «Европейская хроника». Но, разумеется, эти пьесы не могут удовлетворить репертуарные потребности наших театров.

В числе новых произведений на историческую тему докладчик отмечает «Измену нации» В. Соловьева, «Емельяна Пугачева» В. Пистоленко. Интересна пьеса «Пролог» А. Штейна.

Серьезны пробелы в области детской драматургии. В истекшем году появилось 14 детских пьес, но только две из них обращены к темам современности. Большая вина за неблагополучие в детской драматургии лежит на Комитете по делам искусств и на Союзе советских писателей, которые невнимательны к творчеству детских драматургов.

В. Пименов затронул также ряд важных организационно-творческих вопросов работы Комитета по делам искусств и Союза писателей. Несмотря на положительную в целом деятельность репертуарно-редакторского отдела комитета, он пока еще не справляется с задачей плодотворного редактирования множества пьес, которые присылают в отдел авторы. По мнению докладчика, в союзный комитет должны попадать прежде всего пьесы, отобранные театрами или местными управлениями по делам искусств. Это ускорит прохождение рукописи и позволит вести над ней более тщательную работу.

Создание репертуара театров еще не стало результатом тесной связи комитета и Союза писателей, результатом продуманного планирования творческих заявок и возможностей драматургов. Комитету и Союзу писателей необходимо найти такие формы работы с каждым драматургом, при которых творчество писателя стало бы не только делом его совести, но и государственной обязанностью.

В. Пименов подчеркнул, что в Союзе писателей необходимо шире развернуть нелицеприятную критику и самокритику, повысить уровень творческих обсуждений. В секции и комиссии еще нередки случаи беспричинного захваливания пьес. Участникам обсуждения надо тщательнее готовить и продумывать свои выступления, а не импровизировать, как это часто бывает, на ходу.

Часто отбор пьес для обсуждения случаен и не помогает театрам в формировании репертуара. Только принципиальные, деловые обсуждения, говорит докладчик, принесут действенную пользу дальнейшему развитию нашей драматургии.

В прениях по докладу выступили Ю. Ванаг (Латвия), В. Губарев, Н. Кладо, Л. Корняну (Молдавия), В. Любимова, Г. Мдивани, В. Нефед (Белоруссия), Н. Погодин, Н. Рожков, Ц. Солодарь.

Н. Погодин присоединился к мнению докладчика о том, что итоги драматургического года говорят о слабой работе драматургов. Драматургия 1952 года — это по преимуществу средние произведения, с большими или меньшими недостатками.

Насущным вопросам детской драматургии посвятила свое выступление В. Любимова. Одной из главных проблем, которые стоят сейчас перед детскими драматургами, В. Любимова считает правдивое изображение взрослых персонажей, необходимость показывать в детских пьесах и отрицательные образы взрослых. Надо в детских пьесах ставить большие воспитательные проблемы, показывать острые жизненные конфликты, а не мелкие «детские конфликтики».

Участники совещания были не удовлетворены выступлением Ю. Ванага, который безответственно отнесся к обсуждению работы латвийских драматургов и счел возможным ограничиться такой фразой: «Поскольку у нас никаких результатов за 1952 год почти нет, поэтому и говорить не о чем».

Обсуждение прошло при недопустимо малой активности драматургов. Непонятно также, почему молчали критики, хотя, как правильно сказал Г. Мдивани, было бы интересно услышать их суждения о работе драматургов.

150 новых музыкальных произведений

Сегодня в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, прослушиванием новых музыкальных произведений, созданных в 1952 году, открывается VI пленум правления Союза советских композиторов. Пленум приурочен к приближающейся пятой годовщине со дня исторического постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

На пленуме будут прослушаны произведения свыше ста композиторов, в том числе многих молодых. В первом концерте в день открытия пленума, наряду с кантатой Д. Шостаковича «Над Родиной нашей солнце сияет», седьмой симфонией С. Прокофьева и произведениями для голоса с оркестром А. Арутюняна, прозвучат созданные студентами Ленинградской консерватории кореянкой Мун Ген Ок — героическая увертюра «К победе» и В. Чистяковым — кантата «Песнь труда и борьбы».

Участники пленума прослушают оперу «В бурю» Т. Хренникова, сцены из новой редакции оперы «Война и мир» С. Прокофьева, фрагменты из оперы «Степан Разин» А. Касьянова, над постановкой которой работает Государственный академический Большой театр Союза ССР, новую оперу «Павлик Морозов» М. Красева, музыкальную комедию «Самое заветное» В. Соловьева-Седого. Будут исполнены также четыре симфонии, пять симфонических поэм, семь концертов для фортепиано, виолончели и скрипки. Специальные вечера посвящаются камерной музыке, произведениям для оркестра народных инструментов и духового оркестра, хоровым произведениям, музыке для детей и юношества, песне и легкой инструментальной музыке. Хор молодых строителей города Воронежа и Вологодский народный хор выступят с современными песнями, сложенными участниками хоров.

На концертах, которые будут происходить с 31 января по 8 февраля в различных концертных залах Москвы, участники пленума и гости прослушают свыше полутораста произведений различных жанров.

Затем состоится доклад секретаря Союза советских композиторов Г. Хубова «О задачах развития советской музыки» и широкая дискуссия по творческим вопросам.

Работа пленума продлится двенадцать дней. В Доме композиторов открывается выставка «Достижения советской музыки за пять лет».

ФОРД И Кº СКРИПЯТ ПЕРЬЯМИ...

Обзор одного номера журнала «Сатердей ревью оф литерачур»

«Сатердей ревью оф литерачур» — крупнейший литературный журнал в Соединенных Штатах. Если, однако, взглянуть на имена авторов статей, опубликованных в последнем номере этого издания, то можно подумать, что перед нами справочник американских корпораций. Достаточно сказать, что под двумя основными статьями стоят подписи таких «литературоведов», как Куртни С. Браун, директор «Эссо стандард ойл» — одной из рокфеллеровских нефтяных монополий, и Генри Форд-второй, магнат автомобильной промышленности.

«Литературная газета» (в номере от 17 января этого года) писала об идеологической диверсии Брукингского института в Вашингтоне. Речь шла о том, что ученые мужи из этого института, проведя специальное «исследование», попытались, вопреки общеизвестным фактам, доказать, будто бы экономика США контролируется не кучкой уолл-стритовских воротил, а миллионами мелких держателей акций.

Как показывают выступления ряда органов печати США, в последнее время реакционные пропагандисты по прямой команде Уолл-стрита проводят специальную кампанию, имеющую целью внушить миллионам трудящихся Америки, а также и других стран лживую теорию «демократизации» капиталистического строя в США.

Эта пропагандистская кампания приняла настолько широкие масштабы, что в нее был включен, как мы сейчас увидим, даже литературный журнал «Сатердей ревью оф литерачур». Взяв в руки последний номер этого журнала, читатель поневоле задает вопрос: уж не решили ли главари американского монополистического капитала, после того, как их непосредственные представители заняли основные правительственные посты в США, **лично** взяться и за вопросы литературы?

Начнем с того, что тон лежащему перед нами номеру журнала «Сатердей ревью оф литерачур» задают, несомненно, первые три страницы, отведенные под рекламу рокфеллеровской компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси». В рекламе сообщается, что деятельность этой компании за границей «содействует стабильности и прогрессу других стран» и отвечает «общественным интересам».

Прочитав подобную рекламу, доверчивый читатель может притти к выводу, что «Стандард ойл» — благотворительная организация, посвятившая свои силы повышению уровня жизни народов Венесуэлы, Саудовской Аравии и других стран. И, естественно, спросит: с помощью каких же чудодейственных методов компания «Стандард ойл» получает ежегодно от своей «благотворительной деятельности» миллионные прибыли?

Непосредственно за этой рекламой следует передовая статья, озаглавленная «К новой философии бизнеса». Содержание статьи мало чем отличается от описанной выше рекламы. Это не может вызвать особого удивления, поскольку автор статьи — Куртни С. Браун, директор «Эссо стандард ойл».

Браун утверждает, что капитализм — уже не капитализм и что использование самого термина «капитализм», когда речь идет об экономике Соединенных Штатов, не только «вводит в заблуждение, но и причиняет вред». Браун утверждает, что монополистический капитализм США... является «христианским социализмом».

Увы, в «новой философии бизнеса» Куртни С. Брауна нет ничего нового. Уже не один десяток лет прислужники монополий США безуспешно «доказывают» особый, якобы не капиталистический, характер американского империализма. Новое здесь, пожалуй, состоит лишь в том, что г.г. брауны и форды, не удовлетворяясь, как видно, слабыми успехами своих ученых наемников, ныне сами пытаются выступать в качестве экономистов и даже философов...

Далее журнал предоставил несколько страниц некоему Льюису Галантьеру, которого редакция рекомендует как «главного критика и переводчика» и «известного авторитета по экономическим и финансовым проблемам современного общества». Статья Галантьера отличается от статьи директора компании «Эссо стандард ойл» лишь оттенками демагогии.

И, наконец, следует статья, написанная Генри Фордом-вторым, который до сих пор ничем не проявлял своих «литературных талантов». Основой этой статьи, озаглавленной «Бизнес на сцене», является такой тезис: после прихода к власти республиканской партии перед бизнесом открылись «большие возможности».

Форд откровенно заявляет, что теперь «большой бизнес» будет открыто управлять страной и поэтому он должен учесть возможные последствия. «...Бизнес вышел на сцену, — пишет Форд. — Люди будут считать новое правительство выразителем мировоззрения бизнеса, призванным выполнять ответственность, лежащую на бизнесе». Признание, стоящее многих!

Нельзя, однако, сказать, что «Сатердей ревью оф литерачур» окончательно потерял интерес к вопросам литературы и культуры. Журнал помещает, например, специальный обзор, цель которого, повидимому, заключается в стремлении рассеять распространенное мнение (отображенное в книге Синклера Льюиса «Бэббит» и во многих других американских романах более раннего периода), что бизнесмены избегают читать и презирают культуру.

По теперь, как сообщает «Сатердей ревью оф литерачур», свыше половины (!) опрошенных редакцией капиталистов заявили, что они читают... «больше десяти книг в год». Журнал указывает, что тремя наиболее популярными книгами среди бизнесменов в истекшем году были «Старик и море» (роман Хэмингуэя о рыбной ловле, с потугами на «глубокую философию»), «Свидетель» (сумасшедшая реакционная болтовня полицейского осведомителя Чемберса) и мемуары Герберта Гувера.

Конечно, имена Форда, Брауна и им подобных выглядят достаточно странно на страницах журнала, посвященного вопросам литературы. Но ведь американская литература, как и другие области жизни США, весьма определенным образом трансформируется по указке правителей США.

Фальшивая «философия бизнеса» призвана внушить миллионам нищих, ежедневно ограбляемых и эксплуатируемых монополиями американцев, что и у них есть якобы доля в капиталистической Америке, что и они будто бы заинтересованы в процветании «большого бизнеса» — алчных монополий Уолл-стрита. Готовясь к войне за мировое господство, главари США хотят любыми средствами сплотить народные массы вокруг своего пиратского знамени.

В упоминавшейся уже нами статье Л. Галантьера, между прочим, всячески превозносится деятельность «Рекламного совета» — пропагандистской организации, созданной крупнейшими монополиями США для широкого распространения той самой «философии бизнеса», которую проповедуют на страницах «Сатердей ревью оф литерачур» брауны и форды. Но ведь реклама — и это должно быть хорошо известно г.г. бизнесменам, — даже самая шумная и наглая, в конце концов не спасла еще от банкротства ни одного дутого предприятия. Так будет и с «философией бизнеса»...

Если правильно оценить вершины дореволюционного творчества Маяковского — поэмы «Облако в штанах» и «Войну и мир» с их антикапиталистической направленностью и жаждой революционных перемен, верно проанализировать затем деятельность Маяковского в период между Февральской и Октябрьской революциями, его все отчетливей формировавшуюся революционность, нельзя не прийти к неоспоримому выводу, что на пороге Октябрьской революции Маяковский был поэтом с явно выраженными боевыми революционными устремлениями.

Попутно, — это не главное, но существенное, — следует сказать, что Маяковский пришел к порогу революции с определенной суммой неверных взглядов на соотношение формы и содержания, на значение культуры прошлого, с тем заблуждением, будто бы необходимость ломки старых социальных форм механически требует ломки классических форм в литературе.

Это существенно отметить также и потому, что с остатками подобных взглядов у Маяковского мы будем иметь дело еще ряд лет.

Однако это не имеет решающего значения, потому что суть, разумеется, в том, что Маяковский был за ломку социальных форм, — и это главное. А футуристы и разные прочие школки декаданса в сущности были против ломки социальных форм, их интересовала только ломка литературных форм. Подобные им группочки и школки со всей их якобы архиреволюционной ломкой классических форм и по сей день прекрасно себя чувствуют в условиях капиталистического мира.

Что же главное в этом первом предреволюционном периоде? Разумеется, рост революционного сознания молодого Маяковского. Разумеется, произведения, где выразился этот рост и на которых должно быть сосредоточено главное внимание исследователей.

А что же делать с футуризмом? Умиляться выступлениями Бурлюка и Каменского, как это делает в своей работе «Жизнь Маяковского» А. Колосков, поскольку они — факт есть факт — одно время выступали с Маяковским? Или вообще замазывать существование футуризма, как это предлагалось в недавней редакционной статье «Комсомольской правды» и в статье В. Огнева в «Новом мире»? Или, наоборот, размазывать этот футуризм на десятках страниц под предлогом архиподробнейшего его разоблачения, как это делает В. Перцов в своей книге «Маяковский»? Думается, не надо делать ни того, ни другого, ни третьего.

Анализируя дореволюционное творчество Маяковского, следует изложить необходимые факты, которые нужны для понимания роли футуристических влияний на Маяковского и футуристических увлечений поэта, а после этого дать четкую политическую оценку футуризму, всю враждебность которого, естественно, Маяковский не мог понять до революции, но вся враждебность которого совершенно ясна нам: в лице футуризма старый мир цеплялся за ноги поэта, ставшего впоследствии лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи, цеплялся до революции и, приобретая новые обличия и оттенки, еще не один год пытался цепляться и после революции.

Наиболее серьезное из вышедших до сих пор исследований этого периода творчества Маяковского — книга В. Перцова «Маяковский». Это исследование верно по своей основной направленности. Главное внимание автора отдано показу того, как Маяковский в своем творчестве шел к революции. В книге широко показана роль Горького в формировании молодого Маяковского. Автор плодотворно исследует тот юношеский период, когда Маяковский участвовал в партийной работе. В то же время в книге есть существенные недочеты, которые «Литературная газета», рецензируя в свое время книгу В. Перцова, напрасно не отметила. В. Перцов излишне размазал подробности, связанные в этом периоде жизни Маяковского с футуризмом. Это помешало исследователю четко определить всю ничтожность футуристической школки (что нисколько не противоречит тезису о ее вредоносности, ибо это как раз тот случай, когда ничтожность и вредоносность прекрасно уживаются под одной крышей).

Следует отметить и вторую ошибку В. Перцова. Когда он говорит о фактах биографии Маяковского, пытается создать живой облик Маяковского, читателю недостает ощущения душевной силы молодого Маяковского, мощи его личности. И это наиболее серьезный недостаток книги, который Перцов должен исправить, притом отнюдь не минуя сложностей и не ударяясь в схематизм и прямолинейность, как того требуют от него некоторые из его критиков.

Второй период деятельности Маяковского, который предстает глазам исследователей, — период от Октябрьской революции до начала работы над поэмой «Владимир Ильич Ленин».

Это было для поэта время самоотверженной работы на революцию и в ходе этой работы — время исканий и подступов к самому зрелому и великолепному третьему периоду его деятельности.

Могут возразить: а «Мистерия-Буфф», а «150.000.000»? Не слишком ли скромно о них сказано — «подступы»? Но к чему «подступы»? Подступы к созданию величайшего памятника социалистической поэзии «Владимир Ильич Ленин». К великому делу — великие и подступы.

Не говоря уже о стихотворении «Прозаседавшиеся» и о десятках других стихов, о многочисленных агитпоэмах, об «Окнах РОСТА», Маяковский создал за этот период «Мистерию-Буфф», «150 000 000» и «Про это». Между тем в нашем литературоведении этому периоду уделено явно недостаточное внимание, хотя задачи, стоящие здесь перед исследователями, очень ответственны.

В. Новиков, схематически рассматривая этот период в своей книге «В. В. Маяковский» (что уже отмечалось в критике), трактует его, как, главным образом, очищение и освобождение Маяковского от тех или иных поэтических средств дореволюционного периода. Но главным в этом периоде было не «очищение», а накопление и обогащение, идейное и творческое. Задача исследователей — показать, как в эти годы демократизируется форма произведений Маяковского под влиянием его идейного роста и его творческого совершенствования и такого первостепенной важности фактора, как появление той народной аудитории, о которой поэт не мог и мечтать в дореволюционные годы.

Исследователи этого периода не вправе обходить и такую тему, как работа Маяковского над поэмой «Про это».

Эта поэма, с ее потрясающим своей силой оптимизма финалом, в то же время, если анализировать ее в целом, несет в себе элементы трагизма в решении личной любовной темы. Во всех без исключения последних исследованиях анализу поэмы отведено неоправданно мало места, а например, в книге Н. Маслина «Владимир Маяковский» она «разбирается» ровным счетом в четырех строках.

Чрезвычайно важно, исследуя этот период, показать, как и с чем приходилось бороться Маяковскому, выходя на широкую дорогу социалистического реализма. А бороться ему приходилось со многим. И если, разумеется, абсолютно неверно видеть весь поэтический подвиг Маяковского, главным образом, в том, что он преодолевал влияния со стороны и ошибки и трудности в собственном творчестве, то неверно и изображать, будто поэтический подвиг Маяковского — это движение, лишенное всякого противодействия — и внешнего и внутреннего.

Люди, заявляющие так, — не историки литературы, а вульгаризаторы. К сожалению, даже исследователи, серьезно занимающиеся творчеством Маяковского, к которым следует причислить Е. Наумова, написавшего работу «Маяковский в первые годы советской власти», иногда идут навстречу вульгаризаторам. В своей книге, посвященной этому периоду, Наумов пишет: «Вдребезги разбив и уничтожив буржуазно-декадентские течения, революция создала все условия для дальнейшего развития русской литературы...». Вторая часть фразы возражений не вызывает, но первая явно ошибочна и на руку не только вульгаризаторам, но и людям, сознательно желающим изобразить, что коль скоро в 1917 году буржуазно-декадентские течения были разом уничтожены, то, дескать, стоит ли их трогать дальше?

Ответим на это: стоит! Через двадцать девять лет, после того, как, по словам Е. Наумова, буржуазно-декадентские течения были уничтожены, партия сочла нужным в 1946 году принять решение, бичующее откровенный рецидив буржуазного декадентства на страницах нашей печати.

Из ошибочного высказывания Наумова, хотя оно и не соответствует общему духу его книги, можно сделать ложный вывод, что в 1917 году было, в частности, покончено с формалистическими, футуристическими измывательствами над словом, что Хлебников, Бурлюк, Крученых и т. д. остались где-то в далеком прошлом. Не тут-то было! Именно в этот период, между 1917 и 1923 годами, в ряде изданий ведется самая оголтелая проповедь формализма. В 1919 году выходит так называемая «Поэтика» — манифест формалистической группы «ОПОЯЗ»; прикрываясь архилевыми фразами, теоретики футуризма, формалисты всех толков активно стремятся занять первенствующее положение в теории литературы.

Маяковский в эти годы работает не в безвоздушном пространстве, а в очень сложной обстановке. В 1923 году начинает выходить «ЛЕФ» — журнал, который в своей теоретической части был цитаделью воинствующего формализма, прикрывавшегося ультралевой фразой, но от этого формализмом быть не перестававшего. И напрасно А. Колосков в своей работе «Жизнь Маяковского», говоря о журнале «ЛЕФ», стыдливо полуобходит многие острые углы, берет под частичную защиту то, что брать ни под какую защиту нельзя, и все это делает, очевидно, потому, что редактором «ЛЕФ» числился Маяковский.

Здесь надо не обходить острые углы, а на основании точно выверенных фактов **дать четкую и бескомпромиссную характеристику тому, что такое был «ЛЕФ»,** как он путался в ногах у Маяковского, стремился тащить поэта назад, в дореволюционные годы, как иные из окружавших в то время Маяковского людей стремились объявить вершиной его творчества «Облако в штанах», «Флейту-позвоночник» и, ратуя за это, боролись против того Маяковского, который все дальше и дальше, как бы они ни цеплялись за него, уходил от них к овладению высотами социалистического реализма.

Третий период открывается созданием поэмы «Владимир Ильич Ленин».

Неверно поступают те исследователи, которые жаждут календарной точности и спорят между собой, с какого именно отдельно взятого стихотворения начался социалистический реализм в творчестве Маяковского; но будет справедливо сказать, что поэма «Владимир Ильич Ленин» является крупнейшим, этапным произведением на пути идейно-творческого развития поэта, произведением, в котором в полной мере восторжествовали принципы социалистического реализма.

Невозможно представить в нашей поэзии что-нибудь более глубоко народное по своему духу, то есть более отвечающее современному строю мыслей, чувств, взглядов, идей советского народа, чем те вершины социалистической поэзии, которые Маяковский создал в этот последний период.

Исследуя последний период деятельности Маяковского, нашим литературоведам следует повести решительную борьбу с одной неверной тенденцией, которая нашла особенно яркое выражение в книге А. Колоскова «Жизнь Маяковского».

В этой книге советская литература вокруг Маяковского изображена как некая пустыня или, во всяком случае, полупустыня, в которой не было ни Шолохова, ни Фадеева, ни Фурманова, ни Серафимовича, ни Тихонова, ни Гладкова, ни Демьяна Бедного, ни многих других крупнейших советских писателей, с чьими именами связывается в сознании народа и участие в создании социалистического реализма и практика социалистического реализма. Здесь А. Колоскову, как и некоторым другим исследователям, не хватает широкого взгляда на процесс развития советской литературы, в котором Маяковский при всей громадности таланта занимал определенное место, а не был **ни вне** этого процесса, ни **над ним**. Неправильно и вредно изображать литературную жизнь той эпохи, как литературную пустыню, в которой был Маяковский, были окружавшие его **непосредственно** люди, в том числе истинные его друзья и мнимые, были его откровенные враги, чьи грязные имена давно перечеркнуты историей, а больше ничего вроде и не было.

Это ложь. Была еще большая, несмотря на все трудности, плодотворно развивавшаяся советская литература, было много хороших и разных писателей, в меру своих талантов делавших в те годы на своих участках литературы то же дело, которое, в меру своего огромного таланта, делал Маяковский. Не учитывать этого — значит однобоко подходить к исследованию творчества и жизни Маяковского, которое немыслимо и вне анализа преемственности для Маяковского великих классических традиций русской литературы — традиций Пушкина, Лермонтова, Некрасова, и вне понимания места Маяковского в общем развитии советской литературы, и вне преемственности **всех** этих традиций для всей современной советской поэзии.

Этот вопрос важен не только для данного периода деятельности Маяковского. В некоторых статьях (например, в статье В. Огнева в «Новом мире») и выступлениях прозвучало глухое раздражение тем, что В. Перцов в своей работе стремится подробно показать влияние Горького на Маяковского. Прозвучали неотчетливо сформулированные, но ясные по своему прицелу попытки поставить глухие перегородки между поэзией и прозой и продекларировать создание Маяковским еще до революции отдельного, особого метода социалистического реализма в поэзии.

Спрашивается, кому на руку подобная позиция? Только тем, у кого есть стремление отделить Маяковского и противопоставить его всей остальной советской литературе. Это на руку тем, кто хочет представить Маяковского новатором, а Горького не новатором, тем, кто стремится изобразить, что от Маяковского идет **новаторская** линия в советской литературе, а от Горького **якобы не новаторская**, традиционная. Это на руку тем, кто хочет представить, что есть два разных социалистических реализма: один — социалистический реализм, основоположником которого был Горький, и другой — социалистический реализм, основоположником которого был Маяковский, что, разумеется, является вреднейшей формалистической теорией, ибо нет двух социалистических реализмов, а есть один — метод всей передовой советской литературы, основоположником которого был Горький, а одним из творцов и величайшим представителем в поэзии — Маяковский.

(Окончание следует)

Настроения в Дании

29 января в центральных газетах был опубликован текст Памятной Записки Правительства Советского Союза Датскому Правительству по вопросу о намерении Датского Правительства допустить размещение на территории Дании в мирное время вооруженных сил иностранных государств — членов агрессивного Атлантического союза.

В связи с утверждением Датского Правительства о том, что его позиция в этом вопросе будто бы встречает единодушную поддержку печати и общественных кругов Дании, в советской Памятной Записке говорится: «Это утверждение лишено основания... Из публикуемых в датской печати многочисленных заявлений представителей различных общественных кругов Дании — руководителей политических партий, профессиональных союзов и других общественных организаций с полной очевидностью следует, что подавляющее большинство датского народа выступает против предоставления датской территории под американские военные базы.

Об этом свидетельствуют и многочисленные выступления датской печати различных политических направлений».

Ниже мы публикуем новые выдержки из таких именно выступлений датской прессы.

Они еще раз показывают, как беспардонно лгут иные дипломаты, забывая, что уличить их в этой лжи не составляет никакого труда.

«Неоднократно господин Крафт заявлял, что Дания не будет предоставлять организации Северо-атлантического пакта военных баз в период мирного времени. Теперь бывший министр финансов Х. К. Хансен заявляет, что никто не будет удивлен, если в соответствии с Северо-атлантическим пактом предусматривается размещение и в мирное время некоторых атлантических групп в сотрудничающих странах, в том числе и в Дании.

Приведенные примеры ясно показывают, как обстоит дело в отношении самостоятельности внешней политики Дании».

Из буржуазной газеты «Скиве фолькеблад», 1 июля 1952 года

***

«Радость министра иностранных дел Крафта (по поводу планов размещения американских войск на территории Дании. — **Прим. ред.**) разделяют лишь немногие датчане. Есть много причин, чтобы не радоваться этому. Осуществление подобных планов может дорого обойтись Дании...».

Из буржуазной газеты «Фюнс венстреблад», 9 июля 1952 года

***

Мы призываем датский народ «не забывать поднятую проблему о размещении иностранных войск в Дании. Это подвергает новой серьезной опасности самостоятельность и безопасность Дании. Тревожным является то, что атлантические партии намерены отказаться от выполнения обещания, данного социал-демократическим правительством в 1949 году о том, что в мирное время в Дании не будут размещаться иностранные войска».

Из резолюции Вседатской конференции молодежной организации радикальной партии (цитируется по буржуазной газете «Политикен», 14 июля 1952 года)

***

«Существует опасность, что мы потеряем последние остатки самостоятельности в сотрудничестве, которое будет представлять еще бо́льшую угрозу, если иностранные солдаты теперь, в мирное время, будут размещены на датских аэродромах».

Из буржуазной газеты «Фюнс венстреблад», 9 августа 1952 года

***

«Обещание, которое дал Оле Бьерн Крафт Соединенным Штатам Америки о предоставлении шести датских аэродромов в распоряжение американских военно-воздушных сил, вызывает справедливое негодование в датском народе. Негодование выражают также и те, кто связал себя с ранее сделанными атлантическими политиками заверениями о том, что присоединение к пакту не повлечет за собой подобных последствий.

Действия правительства вызвали ряд серьезных протестов не только со стороны организаций, борющихся за мир, коммунистов и радикалов, но во многих случаях и со стороны социал-демократии и кругов, близко стоящих к правительству».

Из прогрессивной газеты «Кемп фор фреден», 9 августа 1952 года

***

«Предвидели ли правящие круги Дании, когда присоединяли страну к Северо-атлантическому пакту, удлинение срока военной службы, включение Турции и Греции в Северо-атлантический пакт, перевооружение Западной Европы и размещение иностранных войск в нашей стране? Министр иностранных дел заявил, что все это происходит в национальных интересах Дании. Не в интересах ли Дании мы в 1949 году, в момент присоединения к пакту, выражали сомнение в отношении размещения войск в нашей стране?»

Из высказываний бывшего министра внутренних дел, депутата фолькетинга Бертеля Дальгорда, 17 августа 1952 года

***

«Мы не желаем, чтобы Дания была заполнена иностранными войсками... Дания ничего не желает, кроме мира, и этот мир прежде всего должно охранять население страны. Свободный народ должен как можно дольше не допускать оккупации страны, хотя бы она и была мирной».

Из буржуазной газеты «Фюнс тиденде», 6 декабря 1952 года

***

«Наша страна и ее существование связаны с возможностью ослабления напряжения между Востоком и Западом. Поэтому все наши действия в области военной и внешнеполитической прежде всего должны оцениваться с точки зрения того, ослабляют ли они или усиливают напряжение между двумя большими сосредоточениями сил в мире. Такая оценка должна быть применена и к вопросу, который, по мнению Оле Бьерн Крафта, должен быть решен сейчас, а именно к вопросу об американских солдатах и американских самолетах на датских военных аэродромах. Жарче или холоднее станет у пороховой бочки, когда Россия, вероятно, в ближайшем будущем, вынуждена будет увидеть в Ютландии, вблизи у входа в Балтийское море, эти американские самолеты, расположенные на базах, где их раньше не было?»

Из буржуазной газеты «Скиве фолькеблад», 12 января 1953 года

РЕЛЯЦИИ И ФАКТЫ

Как известно, Народная армия Вьетнама, начав в октябре прошлого года крупные операции на фронтах севера страны, успешно закрепляет достигнутые победы и продолжает теснить войска колонизаторов. Однако реакционная французская пресса делает вид, будто ничего особенного не происходит, и пытается скрыть от широкой общественности Франции действительное положение на фронтах во Вьетнаме.

Отступающие во Вьетнаме французские колониальные войска на пути к Черной реке

Но вот фотоснимки, которые сделаны непосредственно в частях французской армии и опубликованы в английском журнале «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Даже неискушенному в военном отношении человеку видно, в какой панике отступают под натиском частей Народной армии растерянные солдаты и офицеры французских войск. Это мало похоже на «планомерный отход с целью улучшения позиций» или «перегруппировки сил», как стыдливо изъясняется французское военное командование в своих реляциях из Вьетнама.

Напомним, что в ходе наступательных операций до середины декабря 1952 г. только на фронтах Северного Вьетнама Народная армия освободила от захватчиков территорию в 28 500 кв. километров и истребила приблизительно 14 тысяч вражеских солдат и офицеров. Продолжая наступление и в новом году, Народная армия выбила колонизаторов из многих укреплений в провинциях Нам-Динь, Ха-Нам, Хай-Дуонг, Киен-Ан и др., нанесла им новые серьезные потери.

Эпизод отступления французских войск с позиций в районе Нгиа-Ло

Николай ГРИБАЧЕВ

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ

Набросок политической эпитафии

На пост государственного секретаря США, в связи с избранием Эйзенхауэра президентом, пришел Джон Фостер Даллес. Ушел Дин Ачесон. Перетасованы политические карты. Дела Джона Фостера Даллеса на этом посту впереди, поживем — увидим! Дела Дина Ачесона, как государственного секретаря, позади. В свете прошлого небезинтересно и небесполезно взглянуть на этого краснобая и карьериста, имя которого навязло в зубах. Американские избиратели, проголосовав против так называемой демократической партии, вырыли карьере Трумэна — Ачесона политическую могилу. Попробуем создать посильный набросок политической эпитафии.

Рассказывают, что когда Гарри Трумэн с мотоциклетным шумом и треском во вкусе покойного Гитлера приехал приветствовать ООН в связи с пятой годовщиной ее существования, один из проамериканских дипломатов в припадке простосердечия спросил Трумэна:

— Господин президент, почему бы вам не договориться по всем важнейшим вопросам с присутствующими здесь представителями других великих держав?

— Для этого у меня есть государственный секретарь Дин Ачесон,— ответил Трумэн.

— Понимаю,— согласился дипломат.— Это как раз по пословице, которая гласит: человек, купивший собаку, не обязан лаять сам...

Не ручаясь за полную достоверность этой истории, можно сказать, что в ней довольно точно отражено истинное положение вещей.

Тартюф американского образца, Дин Ачесон обладал именно теми качествами, которые были необходимы «домотканному» президенту Трумэну, как окрестил его американский журнал «Форчун», этой «нетерпимой посредственности», как называли Трумэна многие политические деятели США. Трумэн повергал не раз своими речами в смущение столпов Уолл-стрита. Вроде попугая, подслушавшего разговор хозяев, он частенько выбалтывал то, что следовало держать в тайне. Дин Ачесон, в той мере, в какой это было доступно для него самого, старался облекать в дипломатическую форму взгляды «нетерпимой посредственности». Политическим коньком, на котором он пытался погарцевать по страницам истории, была «тотальная дипломатия».

Назначение Ачесона на пост государственного секретаря буржуазная печать в свое время встретила взрывами восторга. С точки зрения буржуазных газетных пингвинов оснований было больше чем достаточно. Во-первых, хотя союз портных и забаллотировал с позором Ачесона в конкурсе на звание одного из десяти «наиболее элегантных мужчин», газеты визжали от радости, что он по умению наряжаться напоминает одного из английских министров. Во-вторых, — и это еще более импонировало газетным охотникам за долларами, — оказалось, что Ачесон превыше всего любит деньги.

В 1947 году он вышел в отставку с должности заместителя государственного секретаря потому, что юридическая фирма, куда он поступил, предложила ему гораздо больший оклад. Ачесон сказал тогда: «Только богатые или очень непритязательные люди могут позволить себе работать на американское государство...» В-третьих, — и это также привело в умиление буржуазных обозревателей, — у Дина Ачесона имелся давно и основательно приобретенный опыт служения богатеям, что, с точки зрения Уолл-стрита, является важнейшим качеством политического деятеля. Американский журнал «Форчун», сообщая о службе Дина Ачесона в качестве секретаря у судьи Брендейза, писал: «Ачесон был прекрасным секретарем. Он быстро и изящно умел подать чай собиравшимся у Брендейза по понедельникам гостям, причем делал это гораздо быстрее, чем старый слуга-негр».

Что касается дальнейших «подвигов» бывшего государственного секретаря, то тут картина настолько убога, что даже буржуазные газетные маляры, живописавшие руководителя американской внешней политики, не рисковали обмакивать кисти в розовые краски. В пору, когда Ачесон был заместителем государственного секретаря, буржуазные газеты называли его «второстепенным человеком Вашингтона» и стыдливо писали в его оправдание, что, «будучи... проводником политики других государственных деятелей, он почти не имел возможности порождать свои собственные творческие идеи». Франклин Рузвельт, оценивая политические качества Ачесона, назвал его «легковесным субъектом». В этом нет ничего удивительного. И сам Ачесон не стеснялся признаться, например, что он никак не мог прочесть Карла Маркса, ибо это оказалось для него чересчур трудным.

Таков Дин Ачесон, внук фабриканта виски, сын епископа протестантской церкви штата Коннектикут, бывший государственный секретарь США — модник и краснобай, посредственный политик и неумный лицемер, честолюбивый карась в уолл-стритовском садке Туманной Ямы (так именовалась когда-то местность, где находится здание госдепартамента США), вообразивший себя океанской акулой.

При вступлении на пост государственного секретаря, вопреки своим прежним циничным высказываниям о государственной службе, Ачесон заявил с нескрываемым торжеством: «Много лет ждал я этого, и теперь, наконец, я буду самостоятельным!» В припадке карьеристского торжества он упустил из виду один немаловажный факт: самостоятельным он не мог быть. Дин Ачесон был нищ идеями. Ничего не оставалось, как воровать. Он закатил в свое время цветистую и многозначительную речь о «тотальной дипломатии», уверяя, что эта дипломатия должна решить задачу «создания такого мира, в котором может процветать наш образ жизни», что «единственная возможность иметь дело с Советским Союзом... это создать обстановку силы». Падкие на сенсацию буржуазные газеты уже готовы были объявить Ачесона пророком, но церемонию посвящения внезапно испортило выступление прогрессивной газеты «Пиплс уорлд». Проанализировав речь государственного секретаря, газета установила, что все основные положения своей речи Ачесон заимствовал из поджигательской книжонки мелкого наймита и идеолога американских монополий троцкиста Джеймса Бэрнхема.

Одной из идей книги Бэрнхема является так называемая идея «сделки с Россией». По провокаторской мысли Бэрнхема, эта сделка должна быть предложена в таких формах, чтобы Россия ни при каких условиях не смогла ее принять. «Я с готовностью соглашусь с тем предположением,— писал Бэрнхем,— что официальное коммунистическое согласие на нее столь невероятно, что будет почти невозможным. Дело в том, что если коммунисты согласятся на такую сделку, то они перестанут, по существу, быть коммунистами».

Рис. Бор. ЕФИМОВА

При этом, по наивному расчету Бэрнхема — Ачесона, ответственность за разрыв можно будет в этом случае свалить на мнимую неуступчивость советской дипломатии.

Дин Ачесон предложил эту провокацию в качестве официальной государственной политики США. Таков этот международный шантажист в элегантном костюме, пошитом фирмой Франсворт-Рид Лимитед в Вашингтоне. Оценивая этот период в деятельности Ачесона, один из американских журналистов писал: «Он так усердствовал в своем старании спуститься до уровня продавцов мыла, что выбросил за борт весь груз политических знаний, начиная с теорий Аристотеля и кончая законами Маркса». Ачесон в дипломатии — это, по мнению того же журналиста, попросту «бандит».

Что тут сказать? Американцам видней, что собой представляют их государственные деятели!

Главным пунктом помешательства государственного секретаря была сила, иначе говоря, запугивание войной и сама война. В речи на «Конференции по вопросам международного сотрудничества в интересах экономического развития мира» Ачесон вещал, что главной опорой свободного общества является сила.

Шло время. Дин Ачесон летал в Париж и Лондон, в Лиссабон и в Бонн, в Бразилию и на Гонолулу, в Оттаву и Вену. В промежутках между полетами просиживал свои элегантные брюки на пресс-конференциях, разъясняя так называемые принципы так называемой своей политики. Выступал в роли кукольника, дергая за ниточки проамериканских марионеток в ООН. Все это именовалось «дипломатией Ачесона», «деятельностью Ачесона», «политикой Ачесона».

Будем справедливы к политическому усопшему — он много напакостил народам всего мира. Однако же конек, на котором скакал к бредовой цели — мировому господству США — нынешний политический покойник, все чаще спотыкался.

На первом же году деятельности Ачесона потерпел крах атомный шантаж, потерпела полный провал американская политика в Китае. В буржуазной печати появились язвительные замечания в адрес новоявленного пророка, а то и просто требования убрать Дина Ачесона. Проигравший в бытность свою адвокатом пятнадцать процессов подряд в суде, Дин Ачесон начал проигрывать свой шестнадцатый «процесс».

Одним из козырных ходов «политики силы» и «тотальной дипломатии» была американская авантюра в Корее. По замыслу ее авторов — Трумэна, Ачесона, Макартура — в две-три недели предполагалось захватить Северную Корею, ликвидировать народное правительство и поставить американские пушки на границе Китая и СССР.

План этот провалился по всем стратегическим пунктам — не выкатились американские пушки туда, куда их хотели выкатить. И не выкатятся! План этот провалился и по всем политическим пунктам: вместо того, чтобы покориться, еще более сплотился на борьбу народ Кореи, еще больше возненавидел американских империалистов. Еще более сплотился и возненавидел захватчиков народ Китая. Пошла на подъем волна национально-освободительной борьбы в странах Азии. Не вышло и демонстрации силы, якобы способной кого-то и что-то стереть в порошок,— все народы мира воочию увидели, что не так страшен чорт, как он сам себя малюет!

Так потерпела крушение одна из скороспелых иллюзий незадачливого адвоката, пытавшегося стать великим политиком и дипломатом. Вдобавок к этому авантюры правителей США принесли простым людям многие лишения, снизилась заработная плата, жизнь стала дороже, появились признаки кризиса...

Огромные надежды возлагали Трумэн и Ачесон на быстрое воссоздание гитлеровского вермахта под флагом организации европейской армии, на боннского канцлера Аденауэра, западногерманскую копию Гитлера. И этот расчет оказался просчетом. Народы Западной Германии и Франции слишком хорошо знают повадки фашистов и хорошо усвоили уроки истории.

Политику, которую вели Трумэн—Ачесон, все громче и громче стали критиковать в маршаллизованных странах.

Франция не на шутку обеспокоена перспективой возрождения на ее границах гитлеровского вермахта. «Долго сдерживаемое возмущение Европы, наконец, прорвалось наружу,— писала французская газета «Комба».— Можно лишь радоваться тому, что Франция, наконец, поняла, что, соглашаясь с возрождением вермахта и его генерального штаба, она неизбежно позволила бы Германии вовлечь себя в авантюру, которую последняя стремится предпринять...»

Англии надоело выполнять роль бедной родственницы. «Не богатый и бедный родственник, а партнеры»,— взывал не так давно со страниц американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» бывший английский министр Хью Гэйтскелл. Он признавал: «Отношения между богатыми и бедными родственниками могут быть крайне неприятными. Поэтому мне не нравится это сравнение. Но в нем, безусловно, заключается доля истины. Многие американцы действительно считают англичан нуждающимися и надоедливыми бедными родственниками и поступают соответственно своему взгляду».

Маршаллизованным правителям все трудней не считаться с мнением своих народов. Число столкновений растет. Противоречия разъедают Атлантический блок...

Несколько козырных карт «политики силы» Ачесон припрятал в рукавах своего дипломатического фрака. Это — шпионы, убийцы и диверсанты, которых тотальные дипломаты разослали по всем странам лагеря мира. Но и эти карты биты. Многие из этих подонков уже получили по заслугам. Придет очередь и остальных...

В то время, как Ачесон размахивал атомной бомбой, стряпал рецепты «тотальной дипломатии», разбрасывал успокоительные заверения относительно быстрого окончания войны в Корее, дергал за нитку марионеток в ООН, все разрасталось, крепло, превращалось в неодолимую силу движение сторонников мира. Решения Венского Конгресса прозвучали не только могучим трубным призывом, всколыхнувшим на борьбу за мир новые миллионы людей разных политических убеждений, они также прозвучали похоронным звоном над политической карьерой «домотканного» президента и его незадачливого сподвижника Дина Ачесона.

Верно служа Уолл-стриту, Ачесон хотел, чтобы янки-империалистов любили, он думал, что эту любовь можно купить. «Нас повсюду начинают ненавидеть»,— единодушно ноют американские наблюдатели.

Ачесон полагал, что своим адвокатским краснобайством и демагогией о «миролюбии» американской политики, об «американском образе жизни», «содружестве свободных народов» и прочем в этом роде он сумеет замаскировать свои зловещие цели, усыпить бдительность народов, обвести их вокруг пальца. Когда летом прошлого года Ачесон прибыл в Оксфорд, где он должен был получить степень доктора гражданского права, его машину встречали криками:

«Ачесон, убирайся домой!»

Когда Ачесон приехал в Бразилию, на фасаде здания бразильско-американского института появился огромный плакат с надписью:

«Вон пса Ачесона!»

В Рио-де-Жанейро молодежь вывесила на столбах центральных улиц чучела с надписями: «Я — Ачесон, военный преступник и вор нефти». В рабочих районах и центре города население устроило символические «похороны» Ачесона и несло гроб с надписью:

«Здесь лежит Ачесон, министр иностранных дел — чума».

Адвокат-карась из Туманной Ямы, прихворнувший манией величия, не вырос в кита большой политики. Избиратели вырыли могилу его государственной карьере. Бразильцы предусмотрительно приготовили гроб и надпись.

Что же касается отношения американского народа к деятельности Ачесона, то об этом вынуждена была некоторое время тому назад поведать газета «Вашингтон пост».

«Издевательство над нашими дипломатами, — писала газета, — достигло такого размаха, что недавно человек, стоявший в очереди за билетами на симфонический концерт в Вашингтоне и признавшийся в разговоре с одним репортером, что он является сотрудником государственного департамента, был публично осмеян».

Так позорными провалами в политике и насмешками кончилась честолюбивая карьера пижона и краснобая Дина Ачесона—дипломата-поджигателя, «легковесного субъекта», вообразившего себя вершителем исторических судеб.

По страницам печати

«Скынтейя» — Румыния;
«Сабад неп» — Венгрия;
«Млада фронта»— Чехословакия;
«Отечествен фронт»—Болгария

Письмо румынского летчика

Газета **«Скынтейя»** опубликовала письмо летчика гражданской авиации В. Шлахтение.

«Вот уже пятнадцать лет,—пишет он,— **я то и дело пересекаю страну из конца в конец... И только после 23 августа 1944 года я начал видеть во время полетов, как она меняет свой облик».**

Летчик увидел подлинную красоту своей родины, когда

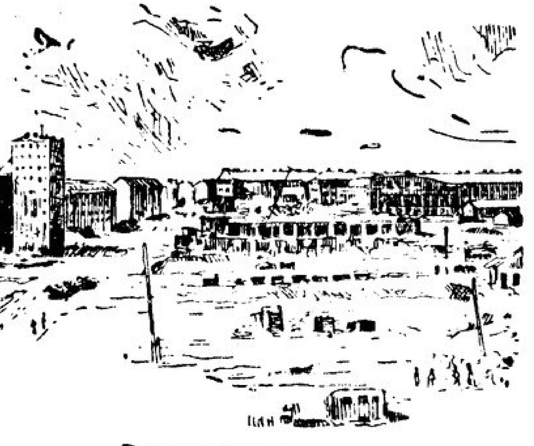
«над Тимишоарой, Турдой и другими городами задымили трубы новых предприятий, над степями понеслись провода электрических передач, в обожженной летним солнцем и высушенной зимой безжалостными ветрами Добрудже зазеленели поля и сады вокруг новых городов вдоль канала Дунай—Черное море».

Новая жизнь пришла в степи.

«Все больше и больше белесых дымков поднимается с них к небу. Это — выхлопы тракторов, прокладывающих глубокие борозды на полях государственных хозяйств, крестьянских товариществ и колхозов... С высоты, любуясь просторами родины, с радостью видишь, что силы всего нашего трудового народа направлены к защите и укреплению мира».

Соревнование передовиков

Газета **«Сабад неп»** сообщает о начавшемся соревновании лучших бригад ведущих строек Венгрии — металлургического комбината имени Сталина в Сталинвароше и будапештского метро.

Вид на Сталинварош

Зарисовка венгерского художника Л. ХЕРМАН

Бригадир второй лучшей плотничьей бригады страны Ласло Слободник, работающий на строительстве домны в Сталинвароше,

«вызвал на социалистическое соревнование первую плотничью бригаду страны Лайоша Томаи, работающую на строительстве будапештского метро».

С радостью отвечая на вызов, Томаи написал Слободнику:

«Желаю, чтобы соревнование наших двух бригад содействовало быстрому окончанию работ на наших великих стройках мира».

«Соревнование двух лучших плотничьих бригад страны началось 2 января. Бригада Ласло Слободника работает в новом году с еще большим подъемом, чем прежде. Она выполняет суточные задания на 192 процента при отличном качестве и экономии большого количества строительных материалов».

Друзья Магды Погорельцовой

Имя Магды Погорельцовой, работницы с фабрики «Татрасвит» в Готвальдове, известно всей Чехословакии. Всего несколько лет назад пришла эта девушка из деревни. А теперь она прославленный новатор.

«Когда Магда уже хорошо знала машину, — пишет газета **«Млада фронта»,** — **она прочитала брошюру Лидии Корабельниковой. И тогда вместе со своими подругами по цеху Магда взяла обязательство до конца года выпустить из сэкономленного материала 16 тысяч пар чулок. Обязательство свое работницы перевыполнили — из сэкономленного материала они изготовили 20 тысяч пар чулок.**

Из книги Александра Чутких «Наш опыт борьбы за качество» Магда Погорельцова узнала о том, как героически работали женщины-москвички во время Великой Отечественной войны. Их трудовой подвиг стал для нее образцом».

С энтузиазмом Погорельцова передает свой опыт подругам.

«И на это решение меня натолкнула советская книга, — рассказывает чешская патриотка. — **Это — книга «Земля Кузнецкая» Александра Волошина.**

Я могла бы назвать десятки примеров героизма и мудрости советских людей, их побед в труде и в повседневной жизни, которые я нашла в советских книгах, — заключает Магда Погорельцова.— **Я хочу быть похожей на них, быть достойной советских людей. И в этом моими друзьями и учителями являются советские книги».**

Город шахтеров

Растет Димитрово — город черного золота, город имени славного сына болгарского народа Георгия Димитрова.

«На земле,— пишет газета **«Отечествен фронт», — где раньше были пустыри, поднялись дома с сотнями светлых квартир для рабочих. За восемь лет народной власти здесь построено больше домов, чем за 50 лет до 1944 года».**

Быстрыми темпами строится и новый город Димитрово-восточный. Близ сооружаемого здесь первенца болгарской металлургии — завода имени В. И. Ленина уже выросли новые жилые корпуса.

«По плану, — пишет «Отечествен фронт», — **будут построены еще две средние школы, Дом Советов, Дом культуры, большая гостиница, театр, две поликлиники и другие общественные здания».**

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм —Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48. науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01207.